

митрополит Сергей (Тихомиров)

**Памяти Высокопреосвященного Николая,
Архиепископа Японского
митрополит Сергей (Тихомиров)**

(К годовщине кончины его + 3 февраля 1912 г).

Параграф I II III IV V VI

Кончина Высокопреосвященного Николая, Архиепископа Японского, была в России для многих большою неожиданностью: о болезни приснопамятного Архиепископа в печати сведений почти не появлялось. Но печальная катастрофа казалась быстро надвигающейся для тех, кто имел случай более или менее часто быть в общении с покойным Владыкою в последний год. Итак, с какого времени началась болезнь Владыки, постепенно приведшая его к могиле?

Разумеется, точную дату сего печального события установить невозможно. Но с точностью можно сказать, когда сам Владыка узнал о своей болезни. Так, еще 12 (25) декабря 1910 года вот что он писал в своем дневнике: «Опять усиливающаяся болезнь горла заставила позвать доктора Ясосиму, который, выслушивая грудь мою, неожиданно заявил: «Да у вас сердце расстроено; надо принимать меры». Что сердце у меня в последний год не в порядке, это я знаю давно. Но теперь не до того, а хоть бы кашель поскорее остановить – надоел смерть».

Ровно через три дня тот же Ясосима прибыл к Владыке с врачом-специалистом. Это было 15 (28) декабря 1910 года. Кроме докторов в комнату Владыки набилось народу нужного и ненужного множество. Не желая дополнять собою количество любопытных, я предпочел после от самого Владыки услышать, что нашли доктора или, вернее, доктор, ибо Ясосима, которому доверился Владыка, был лишь специалистом ушных болезней. «Сердце слабовато. Но ничего особенного, для жизни опасного, нет», – вот, что мне сказал Владыка. А в своем дневнике записал следующее: «Д-р Ясосима привел с собою другого доктора, который внимательно осмотрел мою грудь и сказал, что сердце далеко не в порядке; надо не ходить скоро, не брать горячей ванны, не употреблять ничего горячительного: перца, горчицы, вина – что я и без того не делаю, и проч. Буду все соблюдать по возможности. Ужели от сердца придется умереть? Я все думал, что у меня в желудке враг. Впрочем, меня на том свете давно ищут, и от какой бы ни было причины, а скоро придется отправиться».

Так записал Владыка под 15 (28) декабря... Действительно, после сего он стал во время прогулок ходить тише. Слуге приказал готовить ванны «не столь горячие». Но так как термометра в ванне не было, а дотоле ванны готовились «по-японски», т.е. почти температуры кипятка, то и более прохладные ванны, вероятно, были такие, от которых пришел бы в

ужас доктор-европеец. К сожалению, я не мог вначале болезни Высокопреосвященного Архиепископа Николая быть ему чем-нибудь полезным по той простой причине, что с 29 декабря 1910 года я уехал в путешествие по нашим церквам Японии, из которого возвратился лишь через 100 дней, 8 апреля 1911 г. Владыка вообще не любил писать о своем нездоровье. Однако, видимо, его болезнь временами ухудшалась настолько, что он изменял себе и кое-что о себе мне писал. Так, 26 февраля (11 марта) он сообщает мне: «Сегодня здесь какая халёпа на дворе! Дождь со снегом и снег с дождем! Всю ночь тоже шел дождь, и не оттого ли мне ночью было очень скверно? Не мог спать ни на одном боку, ни на другом – удушье; всю ночь просидел и проходил. Жду доктора. Должно быть, грудная жаба, которая во всякую минуту может задушить. Прескверное состояние, когда чувствуешь, что дышать почти нечем; выходил наружу и открывал рот во всю ширину, глотая воздух до дна легких, как рыба, которая задыхается в воде, лишенной воздуха. Но, конечно, бороться с болезнью буду всеми средствами, какие дает медицина».

Об этом приступе болезни отметил почивший и в своем дневнике, почти в тех же выражениях, но с некоторыми подробностями: «Когда казалось, что в комнате нечем дышать, выходил наружу, где дышать было легче. Очень удивила эта неиспытанная доселе болезнь, почему утром послал за доктором; он, по исследованию, сказал, что астма и не опасно для жизни; прописал лекарство».

Конечно, затруднительно гадать, какие причины вызвали столь значительное ухудшение болезни. Но не дает ли отчасти ответ на это и сам почивший? В приведенном выше сообщении о своей болезни не проговорился ли он и о ближайшей причине бывшего припадка? Вот он несколько ниже продолжает мне: «Во всяком случае вам полным хозяином придется быть скоро. На днях получил телеграмму, что мой брат помер, а я на три года старше его. Пора и мне, хотя очень хотелось бы докончить перевод главных богослужебных книг; а о Ветхом Завете, по-видимому, надо перестать думать – это будет ваш труд...» А несколько ниже уже совсем в грустном тоне продолжает: «Если еще вместе проживем хоть бы и лет 5, я во всяком случае буду блекнуть и опускаться, как вянувший лист; и дело мое будет исключительно переводческое. А вы, возрастая из силы в силу, будете возвращать Японскую церковь. Ваше дело будет прогрессивно жизненное – таков закон природы. Во всем же да будет воля Божия, которой покорно будем подчиняться».

Итак, смерть родного брата, протоиерея в г. Сызрани, поставила пред

взором Владыки яснее, чем когда-либо, вопрос о возможной скорой смерти. Не боялся никогда почивший смерти. Но жить ему хотелось. И жить не для простого прозябания, а «для того, чтобы побольше перевести богослужебных книг». Впрочем, и в этом вопросе он покорно отдавался воле Божией. Даже больше: поскорбев мало, он, видимо, скоро опять приобретал благодушие и о том же предмете мог говорить в тоне, не показывающем скорби: «Итак, говорю, хозяйский глаз везде. И действительно почувствуйте себя хозяином. У вас уже и право на то есть, «тегара» есть. На меня перестаньте взирать. Я отпетый. Брат вот тоже был жив до последнего времени; последним письмом убеждал меня не выходить никуда на покой: «В Японии твой покой», – писал. Едва я успел ответить на это его утешение, как телеграмма: переселился к праотцам. А отчего? С прор. Давидом не счел дозволительным разногласить – уже за 70 было. У меня же и сердцебиение, и астма, и, главное, 75 лет. Правда, Накаи уверяет, что нашел подлинную рукопись Давида на Еврейском, где не 70, а 100; но он еще не представил мне доказательств, что это не апокриф. Итак, вы все больше и больше должны убеждаться, что необходимо вам войти совсем во все обязанности и во все чувства и сознание полного хозяина. Так и сделайте».

Пред праздником Св. Пасхи, в Великий Пяток возвратился я в Миссию. Прожил здесь 10 дней, до понедельника на Фоминой. Но особых перемен в покойном Архиепископе не нашел. Усердно он служил на Св. Пасхе. Христосовался до 6 часов утра с христианами в первый день, ездил с визитами к русским резидентам Токио, Йокогамы. В среду на Пасхе даже совершил крещение у офицера Н. В. Осипова и после сего у него обедал. Словом, жизнь шла, как и в прежние годы, без перемен. Поэтому, совершенно успокоенным поехал и я в свое дальнейшее путешествие, на этот раз по 18 июня, т.е. на два месяца.

Мне неизвестно с точностью, в чем проводил часы своего досуга покойный Владыка во время моего отсутствия в Токио после Пасхи. Кажется, не боясь ошибиться, могу сказать, что он составлял опись церковных вещей, доселе еще не занесенных в опись. А так как почивший Архиепископ всегда все делал сам, не доверяя никому, то ему пришлось самому вынимать из шкафов, и даже снимать со шкафов тяжелые ящики, их раскрывать, содержимое вынимать, переписывать. Потом опять все складывать и тяжелые ящики поднимать на свои места. Результат этой работы виден доселе каждому: на всех иконах, священных сосудах, священных облачениях – словом, на всех церковных предметах или наклеены, или пришиты, или припилены написанные собственноручно

Архиепископом ярлычки с № по описи. А в часы вечерние Владыка составлял текст новой описи.

Но насколько блестящи были результаты его трудов для благоустройства соборной ризницы, настолько они были печальны для его здоровья. Позволю опять привести по этому поводу его строчки из письма ко мне от 22 мая (4 июня) 1911 года: «Ходить не могу, встать почти не могу, только сидеть и лежать могу. Занялся описью в ризнице, и постоянное снованье по лестницам, нагибанье, подниманье нелегких вещей растревожили мою поясницу (надломленную малость еще в отрочестве несчастным падением с обледеневшей лестницы, причем поясницей упал на ребро камня) до того, что вот вчера не мог быть во Всенощной, сегодня не служу литургию».

Весьма возможно, что Владыка растревожил и старинную болезнь, поскольку дело идет о пояснице. Но вне всякого сомнения, что снованье по лестницам, нагибанье, подниманье нелегких вещей причинили ему зла больше, чем могли бы причинить запрещенные перец, горчица и проч. А запретить почившему работать или, по крайней мере, убедить его работать поменьше – такой силы ни у кого не было.

Утомив себя на работе по составлению описи, Высокопреосвященный Николай окончательно переутомился во время июльского очередного Собора и приуроченного к нему 50-летнего юбилея прибытия его в Японию. Не без тревоги все любившие Владыку ждали этого времени. Но вот начали съезжаться со всех концов Японии иереи, катехизаторы. Их только одних было свыше 120 человек. А поусердствовали и многие провинциальные христиане. И вот 75-летний старец ежедневно, с раннего утра до позднего вечера, сидел в своей комнате и выслушивал доклады иереев о состоянии их приходо́в, рассказы катехизаторов о проповеди в пределах их ведения или любезно беседовал с какою-либо бабушкой, прибывшей из далеких краев. Начался Собор – а на нем разве мало дела, волнений? Празднование юбилея – в течение одного дня литургия, молебен, обед в Отеле с почетными гостями, музыкальный вечер. Этим мы, молодые, закончили. Но 75-летний старец был приглашен на собрание бывших воспитанниц Суругадайской школы. И пошел. И не столько слушал, сколько говорил и поучал. Нужно было удивляться тому, как мог вынести Владыка такой день.

А и «завтра» не обещало отдыха. Долгое, часа на 4, чтение адресов. А вечером обед на миссийском дворе, с сотнями христиан. Но мне кажется, и этот день прошел бы для почившего сравнительно благополучно, если бы не заключительный момент. Воодушевленный речами Владыка встал с

необыкновенной энергией, как-то вздернул головой и голосом, которого достало на всю широкую площадь, занятую обедавшими сотнями христиан, предложил спеть «Кими га ё» (японский гимн) в честь Его Величества Императора Японии, благодаря религиозной терпимости которого христианство получило возможность не только распространяться, но и пользоваться если не покровительством, то, во всяком случае, полным благополучием. Нужно было видеть необыкновенное возбуждение Владыки, его покрытое румянцем лицо. Нужно было слышать, как Владыка не только запел первым гимн, но и пел его до конца. Нужно было видеть этот молодой огонь в столь немолодом уже организме. И тогда ясно было бы каждому, что сей момент не мог для расстроенного сердца Владыки пройти бесследно. И результаты не замедлили сказаться.

Кончился Собор. Разъехались иереи и катехизаторы по своим местам. Владыка остался один. После бывшего возбуждения реакция наступила быстро. И вот, уже 14 (27) июля он заносит в свой дневник: «Прохворал весь день и почти ничего доброго не сделал. Доктор осмотрел и дал два лекарства от простуды и астмы». Не улучшилось положение Владыки и на следующий день: «Был болен и ленив весь день. Читал «Труды и жизнь Погодина» – больше ни к чему не мог принудить себя». Не принес улучшения и третий день: «Тоже целый день был болен и ленив», – продолжает отмечать в дневниках почивший Архиепископ.

«Ленив... Ленив», – пишет Владыка. Вероятно, ему так казалось, и искренне казалось. На самом же деле он так устал и ослабел, что ничего не мог делать. В этом он и сам признается на четвертый день болезни: «17 (30) июля 1911. Воскресенье. Едва отслужил обедню – ослабел». «Тоже болен и слаб», – читаем и на следующий день.

Итак, вот результаты трудов в ризнице, хлопот во время Собора и беспокойств во время юбилейных торжеств. Владыка наш не только заболел, но и ослабел.

Эта его слабость, его усталый вид невольно бросались в глаза всякому постороннему человеку. И не любил сего, более – терпеть не мог сего покойный Владыка. Даже простая фраза вежливости: «Как Ваше здоровье?» – его выводила из себя. Ему казалось сразу же, что его считают больным. И Боже упаси бывало спросить его: «Не устали ли Вы, Владыка?» Владыка тогда гордо выпрямлялся и говорил: «50 лет работал и не уставал. Не устаю и теперь. Если дело есть – позвольте: сейчас сделаю. Если нет – до свидания». Говорил так, сам едва двигаясь, сильно волнуясь и этим еще более ослабляя себя. А после приходит ко мне и жалуется, что

его такими вопросами обижают. «Еще погодите хоронить», – ответил он в одном случае. Делать нечего, пришлось дать распоряжение, что если кто будет спрашивать Владыку, прежде всего направляли бы таковых ко мне (разумею посетителей русских). А я уже всех наставлял, чтобы не спрашивали Владыку не только о болезни и усталости, но и о здоровье. И после сего недоразумения почти прекратились и невольно обиженных не было.

Не терпя речей о болезни и усталости, сам Владыка, впрочем, одному мне постоянно говорил не только о болезни, но и возможной смерти, и панихидах. И говорил так часто и в таких иногда формах, что нужно было иметь, с одной стороны, вполне благодушный характер, с другой – вполне верить в искреннюю любовь ко мне Владыки, чтобы на сии разговоры не обижаться. Медленно поднимается Владыка по 22 ступеням в мою квартиру. Тяжело дыша, но улыбаясь, входит. Здороваается. «Погодите, дали отсрочку. Отложил умирать», – заявляет с первых слов. Но такие разговоры еще полгоря. Приходилось молча выслушивать и такие: «Скоро, скоро запоете панихиду. Не долго ждать». Впрочем, не скрою, что все же я как-то раз убедительно попросил Владыку не говорить таких слов, по крайней мере, при посторонних. Мысль о смерти, о панихидах как-то не оставляла Владыку в течение лета, до моего отъезда в путешествие по церквам. Но это не значит, что он непременно при этом скорбел. Нет, он даже в этот период слабости и болезней умел быть остроумно веселым: «Представляю себе: входите в мою квартиру...а я мертвый...вы бледнеете...«Кавамура, воды!» – кричите. А после, поуспокоившись: «Кавамура, свечей! Поем «Со святыми!»» А вот в другом случае почивший представлял, как я над ним буду говорить надгробное слово: «Братия и сестры, смотрите: долго жил, а все-таки умер. И почему умер? Потому что был гневлив, тороплив, удержу в работе не знал... Так смотрите же, будете ему подражать – обязательно и вы умрете». Все это говорилось с таким благодушием, что удивляться приходилось, как Владыка может спокойно говорить о том предмете, о коем люди не привыкли и думать-то спокойно.

Однако лето пролетело быстро, и в десятых числах августа я снова уехал в путешествие, на этот раз до декабря месяца. Поехал сначала на Японскую часть Сахалина, а потом в северо-восточные церкви. О дальнейшем ходе болезни Владыки поэтому могу говорить лишь на основании его заметок в дневнике, отчасти – по письмам его ко мне.

Мысль о возможной кончине, видимо, не покидала Владыку по моем отъезде в путешествие. «Ваш до «со святыми» Арх. Николай», – так он подписался в письме ко мне от 15 (28) августа 1911 года. Да несомненно, и

болезни не покидали его, хотя в августе и сентябре он и не сделал об них в своем дневнике больших заметок. Но в одном из писем ко мне он не умолчал об астме и, по обычаю, в шутливом тоне писал мне 11(24) сентября: «У меня астма раза два спрашивала: а что, не отпеть ли нам со святыми?» Но я ей ответил: «Нельзя: и Кавамуры нет, уехал в Осака чинить текущую крышу, и Преосвященного нет». Она почесала в затылке и успокоилась». Но ровно через неделю, 18 сентября (1 октября), в дневнике уже читаем: «Служить трудно. Поясница болит, слабость, усталость. Не дай Бог, чтоб сделалось хуже». К сожалению, Владыке в скором времени сделалось много хуже, и можно сказать, что весь русский октябрь он промучился: астма то усиливалась, то ослабевала, но совсем его не покидала. Но пусть сам Владыка нам скажет о тяжелом октябре. Числа буду приводить лишь по старому стилю.

1 окт. «Полночи не спал – астма мучила, и потому с трудом служил литургию, ослабел».

3 окт. «Целый день страдал астмой и ничего серьезного не мог делать».

9 окт. «С трудом служил литургию. Ослабел: астма мешает спать».

12 окт. «Астма задавила; спать несколько не мог – ослабел».

13 и 14 окт. «То же. Был доктор Ясосима и дал лекарство, но плохо помогает».

15 окт. «Прошлую ночь страдал как никогда. И сидя ни минуты не мог заснуть. С половины всеобщей вызвал доктора Ясосиму. Осмотрел и запретил завтра служить, и даже говорить – чтоб успокоить горло».

16 окт. «Не служил и в церкви не был, а лежал и не говорил весь день – оттого астма успокоилась».

17 окт. «Ночь проспал спокойно, астмы не было, но слабость, едва хожу».

20 окт. «Слабость от астмы и малоспанья».

22 окт. «Страдал астмой весь день, но работал и в церкви был».

23 окт. «Служил, но едва отслужил: и голос слаб, и ходить несвободно. Вечером особенно трудно было, но перевод шел своим чередом».

24 окт. «Астма лучше». И этот период некоего облегчения, кажется, продолжался до 3 (16) ноября.

Итак, вместо случайных припадков астмы, с октября началось длительное ее течение. И, сказать правду, не было условий, которые астму задерживали бы. Наоборот, вся жизнь Владыки складывалась как бы нарочито к усилению болезни. Доктор... Но его Владыка вызывал лишь в

крайних случаях. Да и специальность-то его была – ушные болезни. Но Владыка весьма доверился ему, как и Ясосима- буддист весьма уважал своего пациента. Докторские предписания, известный режим. Но все это исполнялось Владыкой постольку, поскольку не мешало «работе». А раз что-либо из предписанного режима не давало работать – просто забывалось. Доктор предписывает не служить, не говорить – словом, предписывает почти абсолютный отдых. А чем отвечает Владыка? «Астма на днях чуть не задавила меня, три ночи не спал и ослабел так, что в прошлое воскресенье служить не мог, едва ноги таскал. Теперь две ночи поспал и поправился. Этой мерзавке астме мешать нашим занятиям с Накаи мы не на волос не позволяем: сидя можно дело делать, хотя и охая». Так мне писал покойный 19 октября (1 ноября). Удивительно ли после этого, что болезнь его иногда донимала так, что он находил возможным в письме подписаться: «Я еще жив, потому что не только вас, но и Кавамуры нет – в Хакодате уехал» (письмо от 11(24) октября).

Но недолго продолжалось некое облегчение болезни. Правда, 2(15) ноября Высокопр. Николай в шутовском тоне сообщает мне письмом: «Я отложил умирать – Кавамура без вас не может же пропеть панихиды». Но уже с 3(16) ноября болезнь возобновилась, и, без сомнения, в большей силе, чем в октябре: «В половине 3-го часа ночи астма разбудила и не дала больше спать; встал и занимался делами. Освоившись с этой болезнью, жить можно; дал бы Бог подольше прожить, чтобы побольше перевести».

С этого дня начались опять грустные отметки о болезни Владыки в его дневнике.

6 нояб. «Служил литургию с трудом. После целый день был болен».

7 нояб. «Удушье мучило весь день».

11 нояб. «Опять астма».

12 нояб. «Нисколько не заснул ночью, оттого слабость».

13 нояб. «Ночь не спал. Литургию не служил и в церкви не был. Целый день страдал удушьем. Вечером работал».

14 нояб. «Опять ночь не спал и весь день страдал. Впрочем, переводом занимался».

17 нояб. «Ночью 4 часа спал сидя, оттого день был сносный».

18 нояб. «Астма слабее. После ванной ночь проспал».

19 нояб. «Вялость от астмы; письма писать не мог. За всю ночь был и к службе готовился».

20 нояб. «Служить литургии не мог: целый день астма ужасно мучила».

21 нояб. «С трудом отслужил литургию».

25 Нояб. «Астма хуже и хуже; ослабел, едва хожу».

26 нояб. «Усиление астмы заставило послать за доктором Ясосимой. «А что, доктор, не посоветуете ли написать завещание? – спрашиваю. «От астмы редко кто помирает; ваша астма не опасна. Но завещание отчего не написать? Я моложе вас, но завещание и у меня написано».

27 нояб. «В церкви был. Целый день мучила астма».

28 нояб. «Здоровье несколько лучше».

Таковы записи самого Владыки о состоянии его здоровья в ноябре. Чувствуется, что болезнь не покидала его весь месяц. Вероятно, не желая меня беспокоить во время путешествия, Владыка мало мне писал о своей болезни в ноябре. Лишь после начала болезни, 3 ноября, он подписался мне в письме: «Весь ваш, еще живой, слуга и богомолец А. Ник.». Затем 15(28) ноября он сообщил мне: «Здесь все благополучно. Только астма по временам весьма забирает меня. Прошное воскресенье служить не мог, несмотря на то, что с вечера готовился. Как ночь не поспишь (да еще подряд три ночи), так сильно ослабеваешь. Перевод, впрочем, идет без малейшего ущерба». Пишет мне Владыка и утром 21 ноября: «Иду обедню служить, а вчера не мог – астма целый день несносно мучила. Вас да хранит Бог от всех подобных дряней!»

Записи Владыки пред глазами читателя. С одной стороны, болезнь, усиливающаяся болезнь. С другой – упорные отметки Владыки: «Вечером работал... переводом занимался. Перевод идет без малейшего ущерба». Нелегко было бы и опытному доктору успокоить все усиливавшуюся астму Владыки. И конечно, такая задача была совершенно не под силу специалисту ушному Ясосиме. Да и сего-то звал Владыка очень редко.

Что чувствовали лица, окружавшие Владыку, можно судить хотя бы по такой сценке. Уже в начале декабря приезжаю в Сендай, направляясь к Токио. Для служения со мной прибыл столь часто упоминаемый Владыкою иподиакон Кавамура. «Ну как здоровье Владыки?» – спрашиваю. Иподиакон Кавамура заплакал и ответил мне буквально так: «Если днем даже раньше придете в Токио, будет хорошо». Опасное положение Владыки все чувствовали. Но не мог об этом знать я. Заметки в письмах столь угрожающими не казались. А в Токио я мог возвратиться лишь после Николина дня.

Любопытно, что в предпоследнем письме, писанном 2(15) декабря, Владыка как бы в жизненное наставление мне писал: «Берегите здоровье. Ох, как надо беречь здоровье. Будете невнимательны к своей карада, очень пожалеете потом».

7(20) декабря я возвратился в Токио. Радость Владыки была большая.

Но и я поуспокоился, ибо Владыка показался мне далеко не столь слабым, чтоб мое возвращение желательно было «хотя бы днем раньше». Однако он с удовольствием согласился отдохнуть до Рождества Христова, предоставив мне совершать все имеющиеся быть службы – обычно мы чередовались с ним в своих служениях. Жизнь потекла по-прежнему однообразно. Я приходил к нему утром и, не решаясь спросить о здоровье, лишь осведомлялся, спал ли Владыка. К сожалению, ответ был почти один и тот же: «Спал, но сидя», или: «Спал, потому что принял усыпляющего, но спал сидя». На койку Владыка почти перестал и ложиться, ибо его сразу же начинало душить. Но в предобеденные часы он занимался, нисколько не изменяя своему обычаю. В 12 часов дня поднимался ко мне и ежедневно мы вместе обедали. Что меня поразило – так его медленность в приеме пищи. Бывало, пока я ем два блюда, он успевал съесть три. А теперь все ел как-то медленно, жаловался на отсутствие аппетита; тем не менее, съедал все, что подавали, постоянно шутливо замечая: «Вот и диакон Кугимия пред смертью ел так же много, как я». После обеда иногда Владыка пытался отдохнуть, «дополнить ночь», как он выражался. В пятом часу дня, при условии ясной погоды, выходил было сначала со мной на прогулку по миссийскому двору, но скоро доктор это запретил: простудился как-то Владыка, о чем так занес в свой дневник: «Гулял на воздухе вместе с Пр. Сергием и опять, кажется, астму застудил, хотя и отличная погода была» (запись 14-го декабря). После сего Владыка окончательно закрылся в своей квартире, поручив мне, по возможности, не пускать к нему посетителей: «говорите, что умирает-де».

Владыка Архиепископ Николай действительно выдержал себя и до праздника Христова Рождества не служил. Вечером под праздник на литию выходил я, но на величание вышел Владыка Архиепископ со мной. Во время канона помазывать елеем богомольцев попросил меня, но и сам не разоблачился, а лишь ушел в алтарь. И не сидел во время канона, а все время простоял перед Престолом при открытых царских дверях. В самый день праздника Высокопр. Николай совершал литургию в сослужении со мной. Голос его был полный. Служил бодро. Незаметно было и признаков усталости. «Смотрю: идете пред началом литургии к кафедре... черная борода, полны сил. А я уже побелел... я уже ослаб. Это два периода нашей церковной истории: уходящий и надвигающийся. Ну, дай вам Бог здесь прослужить не меньше, чем я», – таковым пожеланием напутствовал меня Владыка в первый день Рождества.

Однако не все было в этот год так же, как в предшествующие. Вот кончается обедня. Владыка принимает быстро поздравления бывших у Литургии русских и идет затем в особую комнату, где собрались воспитанники и воспитанницы миссийских школ. Поют тропарь, кондак празднику, произносится священником ектения. Учащиеся громко поздравляют Владыку. Все это было и нынче, как прежде. Но раньше Владыка непременно раздавал всем детям на гостинцы, каждому отдельно, каждого благословляя. Нынче на это сил уже не хватило. И он с грустью дал представителям той и другой школ определенную сумму. И воскресная школа – сколько она доставляла радости Владыке! Опять пение, опять поздравление. Потом раздача на гостинцы детям «по числу годов их». Нынче Владыка лишь посидел в комнате, а раздать на гостинцы и дать всем по мандарину просил меня. Сил было мало, хотя храбрости показывал много. И даже отправился на собрание, устроенное в небольшой комнате в честь воскресной школы. Посетителей было, кроме детей, сотни две. Дышать было нечем. Но почивший Святитель не только отсидел на собрании до конца, но еще сказал детям речь, продолжавшуюся минут 15. Визиты русских, членов посольства и резидентов Токио и Йокогамы, а вечером служба. И все это Владыка вынес, не показывая и вида, что ему нелегко. Или праздничное настроение заставило его забыть немощи?

На второй день Рождества Христова Владыка, конечно, был у литургии. После нее принимал поздравителей. А после обеда и сам поехал с визитами. Как ехать, чтобы не простудиться, – вот был вопрос. Я убедил

Владыку нанять карету на полдня, что стоит лишь 5 иен; между тем дзинрикиса за полдня с нас брали по 5 иен, правда, тележку тащили по два человека. Владыку убедили не слова мои, а практический расчет: будет вдвое дешевле. Сели в карету. «Первый раз в Японии еду в карете. Ну и стыдно же! Смотрите! Смотрите! Все показывают пальцами и говорят: «Миссионер едет в карете». А премило ехать! Все равно, что в комнате сидеть». Так шутил Владыка, когда мы ехали в посольство. Здесь посетили поверенного в делах А. Н. Броневского, оставили карточки прочим отсутствовавшим членам посольства и поехали к посольскому протоиерею о. П. И. Булгакову. Здесь Владыка любил бывать, конечно, в праздники. С удовольствием приехал он сюда и нынче. Зашел в столовую. Съел рождественских яств несколько. Выпил рюмку какого-то виноградного вина. И на этом он пожелал кончить визиты. «Устал. Да извинят все. Сvezите вы мои визитные карточки», – просил Владыка. И я, отвезя Владыку домой, визиты продолжал один.

На третий день Рождества Христова мы ежегодно с Владыкой ездили к русским в Йокогаму. Нынче он ехать отказался и, оставшись дома, с секретарем перечитывал поздравительные к празднику письма из церквей.

В ночь на 28 декабря астма у Владыки возобновилась: «Ночь не спал, мучила астма. День вялый и бесполезный», – записал он на отрывном календаре. Однако вечером в Женской Школе была елка, которую вот уже в 4-й раз устраивает для обеих наших школ посол Н. А. Малевский–Малевич. Нынче на елку, несмотря на отсутствие организатора ее, прибыло очень много русских гостей – 16 человек. Владыка был необыкновенно этому рад и, забыв все предостережения доктора, много говорил с гостями. С 6 до 8 часов пробыли гости и поспешили домой. Начальница школы отозвала меня в сторону и просила как-нибудь устроить, чтобы и Владыка, видимо очень утомленный, возвратился домой. Но как это устроить, когда Владыка ежегодно сидел на елках до конца? После некоторых колебаний решаюсь: «Владыка, не вернемся ли и мы домой?» – говорю. «Если наскучило, возвращайтесь. А я посижу до конца». Итак, сорвалось. Начальница поняла результат без слов. Елка продолжается. Воспитанницы как-то необычно спешат в исполнении номеров. Наконец, объявляют, что, ввиду сложных приготовлений обстановки, придется подождать минут 10. Я, пользуясь случаем, еще раз позвал Владыку домой – бесполезно. «И зачем я возвращусь? Чтобы скучать да охать? Все равно спать не смогу. А здесь хоть смотрю да слушаю». Ровно в 9 часов вечера начальница объявила конец елки и попросила петь молитву. «Как, уже конец? Почему нынче так рано?» – заметил Владыка. С оханьем он возвращался домой и в

календаре занес: «Вечер. Елка в Ж. Ш. Много русских, гостей. Все очень красиво. А вернулся домой с усиленной астмой».

По моему глубокому убеждению, этот вечер и был роковым, после которого болезнь все развивалась и развивалась, без малых признаков улучшения. Да вот что сам Владыка заносил на календарные листочки.

дек. «Ночь ни лежа, ни сидя не спал – ослабел. Ясосиму позвал. На елке в семинарии не был. Ванна дрянная, чуть не простудился».

дек. «Не спал и ночью несколько писал дневник. Я немножко занялся расписками, потом весь день лежал или читал Барсукова».

дек. «Заснул до 2 часов. В 3 часа встал и писал дневник. К обедне не пошел и никуда не выходил. Но астма плоха. Целый день работал по распискам. Ко всеобщей не пошел: доктор велел не выходить на холод».

1 янв. 1912 года: «Ни один год не начинался так скверно, как нынешний. В церкви был, но не служил. По возвращении из церкви я никуда не выходил из теплой комнаты и поздравителей не принимал. Целый день мучила астма».

Если 28 декабря было для Владыки роковым, то выход его в холодный собор в день русского Нового Года, кажется, окончательно свалил его в постель. И как я просил его не ходить! Вечером удалось уговорить, и ко всеобщей он не пришел. Но когда я пришел к нему в Новый Год утром, нашел Владыку крайне расстроенным: «Все в церкви. Один я сижу дома. Скука смертная... не могу выносить. Сегодня пойду в церковь», – говорит Владыка. Я начинаю уговаривать его, ссылаюсь на запрещение доктора. Но последняя ссылка, кажется, лишь испортила дело: «Я свободный человек! Сделаю, как захочу. До свиданья». Но мне все еще хотелось верить, что Владыка послушается голоса благоразумия. Однако во время Малого Входа он действительно пришел и прошел в алтарь. Стоял всю литургию, тяжело дышал и охал. А литургия, как нарочно, была продолжительна, ибо было посвящение корейца в диаконы. Когда после литургии я зашел поздравить Владыку с Новым Годом, он сидел в кресле, протянув ноги на кровать и что-то просматривал. «Где справедливость? Сходил помолиться и страдаю как никогда», – говорит мне Владыка. Чем мне было утешать его? Но я еще и еще просил Владыку быть к докторским советам повнимательнее. Но продолжу заметки Владыки в календаре.

янв. «Вот страдал-то прошлую ночь и весь этот день! Никогда так! За то решил из тепла не выходить. На Крещение служить не буду, и в церковь не пойду. Целый день слабость, хотя и работал по распискам. Доктор прислал 4 пункта – следовать буду».

янв. «От лекарства (должно быть, опиум) сидя проспал часа три,

оттого лучше. Но утро спал. Потом работал – приводил расписки в порядок».

4. янв. «Целую ночь спал, от усыпляющего лекарства, конечно, на кресле; а полдня затем дремал и спал на постели. Вечер работал хорошо – считал по распискам, но и «проповедь» еще не окончил. Болтал много с Пр. Сергием о католиках и пр.».

янв. «Скука смертная. Все за всюнощной, я дома. С утра работал по сведению счетов расписок. Ясосима разрешил мне ванну».

янв. «В церкви не был. Целый день страшно страдал астмой. Пр. Сергий служил и воду освящал».

янв. «Позвал амер. д-ра Блисса. Пользы тоже нет. Одна канитель. Целый день пропал даром».

янв. «Доктор Блисс обещал быть, но не был. Лекарство его пил. А от молока, которое он велел, желудок расстроился. Тепло. Дождь. Выпил стакан порта и готовлюсь писать. А буду ли писать, не знаю; может, тоже дрема возьмет».

янв. «Лекарство амер. врача мерзкое, а пить надо. Целый день болен, ничего не делал. Аппетиту никакого, сна нету».

янв. «Страдал весь день и ничего не мог делать. От лекарства два раза рвало».

янв. «Уехал в госпиталь».

Так печально кончились для Владыки Архиепископа Николая «святки», по-видимому при столь благоприятных обстоятельствах служением в первый день Рождества Христова начатые. Из представленного хода событий нетрудно усмотреть, что не без воли, конечно, Божией в усилении болезни много значила неосторожность Владыки в день елки Женской Школы и в день русского Нового Года. Но было много причин, которые не только в эти дни, но и много раньше сильно расстраивали Владыку и препятствовали правильному его лечению. Как уже сообщалось, Владыка не любил говорить о своей болезни, не любил и расспросов о его здоровье. Но он в последний год жизни положительно не мог равнодушно слушать о смерти, особенно близких и знакомых лиц. Между тем умирает его брат, младший его по возрасту. Умирает Иркутский Святитель, приснопамятный Архиепископ Тихон, товарищ Владыки по Академии. Умирают другие архиереи, протоиереи. Изучив настроение Владыки, я никогда не решался сообщить ему из газетных телеграмм: «...Умер-де такой-то». И лишь после, когда Владыка с фактом, так сказать, мирился, он сам мне говорил: «А читали как-то на днях о смерти такого-то?» Последние же дни были для него

особенно тяжелы в этом отношении. Приезжает в Токио полечиться жена катехизатора Георгия Оно. Неожиданно умирает в больнице. «От какой болезни умерла?» – спрашивает Владыка. «От зенсоку», – отвечают. А «зенсоку» в переводе значит «астма». Владыка был этою смертью страшно расстроен и много охал, что вот-де и у него зенсоку и, вероятно, он умрет столь же скоро и неожиданно. Другой случай. Приходит телеграмма: «Умер священник Тит Комацу». «От какой болезни умер?» – первый вопрос. «От болезни сердца. Неожиданно постиг во время путешествия по приходу паралич сердца». Не забыть мне, как Владыка, сидя на стуле, низко склонил голову и долго и грустно о чем-то размышлял. Все подобные события, довольно безразличные для здорового человека, весьма поражали больного Владыку. И, конечно уж, не помогали лечению! До какой степени Владыка был чувствителен при упоминаниях о болезни и смертях, показывает такой случай. Вместе обедаем. Приготовлена манная каша, ибо из Владивостока получена манная крупа. Владыка в Японии кашу манную ест впервые. «Прекрасно. Вкусно. И как вы надумали выписать такую крупу? Вероятно, и для здоровья полезна», – рассуждает Владыка. Я с простоты и скажи: «Очень полезна. Когда я при окончании курса семинарии был тяжело болен, мне все было запрещено, но манную кашу разрешили. Даже больше – заставляли есть». Сказал в простоте, а результат неожиданный: «А-а! Так вот почему вы меня кашей угощаете! И я-де тяжело болен! Нет, еще погодите хоронить!» и т.д. Как же нужно было быть осторожным, чтобы чем-нибудь не расстроить Владыку! И как незаметно и невольно многие его значит расстраивали, а еще больше – многое его расстраивало.

Но едва ли не больше всего расстраивали неудачи по сбору на построение церкви в Хакодате. Нужда в церкви настоятельная. Денег не было. Владыка начал просить, собирать. Кое-что было получено, но не было еще и половины желательной суммы. Снова письма. Письма знакомым и незнакомым. Письма незнатным и знатным. Письма состоятельным. Но девять из десяти писем оставлены были даже без ответа, хотя бы и отрицательного. «Вот прислал бы кто на построение церкви в Хакодате – это было бы для меня лучшим лекарством», – часто повторял Владыка во время болезни. И действительно, нужно было видеть, как он ожил, когда его известили о пожертвовании в 3000 иен нашими щедрыми благотворителями из Москвы И. А. и К. О. Колесниковыми. Много радости доставила почившему Владыке и телеграмма из С.-Петербурга от граф. Е. В. Шуваловой о «новом» пожертвовании, полученная Владыкою накануне смерти. Но в общем таких радостей было

мало. Редкие же отказы и частое молчание в ответ на усиленные просьбы весьма печаливали больного Владыку.

Итак, 11(24) января 1912 года Высокопр. Архиепископ Николай был перевезен в госпиталь. «Последний раз был в госпитале, когда учился в духовном училище», – сказал Владыка. Вероятно, плохо он чувствовал себя, если решился ехать в госпиталь.

III

Прежде чем писать о пребывании Владыки Николая в госпитале, скажу несколько слов о том, каких трудов стоило уговорить его лечиться у хорошего доктора и ехать в госпиталь.

Все видят, что Владыка страдает, но лечится плохо. И почти никто не верит в его доктора. А уход за больным? Никакого! Сам даже подкидывает ночью уголь в чугунок. После долгих колебаний я решился поговорить с Владыкой о необходимости полечиться у хорошего доктора.

– Владыка, вот вы все охаете да охаете. Вы бы полечились серьезно. И тогда, вероятно, быстро поправились бы.

– Я и лечусь. У меня был несколько раз Ясосима. Вот и его лекарства. Чего же еще хотите?

– Да, но доктор ваш слишком редко бывает. И болезни вашей хорошо не знает. Придет слуга за лекарством. «Ну, что Владыке лучше? – спрашивает. «Ику-бун-ка ии дес», – отвечает. «Ну, в таком случае это лекарство можно и отменить». Но если так, то кто же ваш доктор? На половину слуга Иван.

Владыка улыбнулся.

– Не беспокойтесь, когда очень нужно, доктор и сам меня смотрит.

– Но ведь доктор ваш ни разу не свидетельствовал ваш желудок, ваши почки? Какой же это доктор?

– Ну уж вы моего доктора не злословьте! Это мой старый приятель, мой организм знает хорошо. Зачем же я буду его менять? Да и на кого менять? Все доктора одинаковы.

– Да вы бы взяли доктора-иностранца. Ведь все они получили заграничное образование и, вероятно, знают побольше вашего Ясосимы.

– Знаете, что я вам скажу, – отвечает Владыка. – Если вы хотите мне доставить удовольствие, не говорите вы мне никогда о болезни, о докторе, о лечении. Я ненавижу свою болезнь. А вы мне о ней твердите. Можете вы исцелить меня? Можете? Не можете? Тогда оставьте меня в покое! Вот только бы когда-нибудь хорошо выспаться, и тогда я буду здоров.

Разумеется, после такого разговора я на день-два успокоился: говорить дальше было бы не только бесполезно, но и вредно. Однако, когда положение Владыки 7 января приняло угрожающий вид, я пошел к нему снова и настойчиво попросил Владыку позвать доктора иностранца, заявив ему, что если не позовет он, то позову я. Разговор был резкий. Не хочется

его вспоминать. Я должен был уйти без положительного ответа. Однако оказалось, что Владыка после разговора сразу же послал в Посольство за хорошим доктором и через 2 часа поднялся в мою квартиру и, подавая письмо из посольства, сказал: «Успокойтесь, в 3 часа доктор будет, как желали. Только пользы-то не жду от него. Одна канитель».

7 января в 3 часа дня приехал на автомобиле доктор Блисс. В квартиру Владыки опять сбежались нужные и ненужные люди. Долго свидетельствовал Владыку доктор. Сердце нашел весьма нехорошим. На второй этаж подниматься воспретил. Приказал по возможности не двигаться. На улицу выходить воспретил. Сидеть советовал непременно с поднятыми на соседнее кресло ногами, чтобы облегчить работу слабого сердца. Взял все нужное для определения состояния почек и желудка. Прописал лекарство.

Владыка доктором, его тщательным осмотром был очень доволен. Только не мог понять, как можно советовать «не двигаться», когда ему придется работать и нагибаться в день по 1000 раз. Докторскую диету обещал Владыка исполнять. Но от услуг сестры милосердия категорически отказался.

января Владыка страдал. «Лекарство не человеческое, а лошадиное», – жаловался он мне. Но лекарство все же пил.

января доктор настойчиво звал Владыку в госпиталь. Но Владыка отказался: «Не могу же я оставить миссию без хозяина. Да и спешного дела много».

января появились скверные признаки. Владыку среди дня неожиданно начинало тошнить. Силы все слабели. Работать Владыка не мог. Большую часть дня проводил в полудремоте. «С удовольствием бы поехал в госпиталь, если бы только знать, что будет польза. А что же кататься с места на место?» – все же сказал он под вечер.

11 (24) января

Утром, в начале 10-го часа, прибыл в миссию доктор Блисс и, осмотрев Владыку, категорически заявил, что он только тогда может ручаться за некоторый успех лечения, когда Владыка переедет в госпиталь под непосредственный надзор докторов и уход сестер милосердия. Владыка согласился. Когда вслед за доктором я пришел к нему, он встретил меня словами: «Уезжаю в госпиталь, но скоро мисока (расчетный день), поэтому я вам оставлю чек на 4000 иен, написав его 27-м числом. В свое время получите и рассчитывайтесь». В комнате был повар Никанор. Хлопотал около маленького чемоданчика. Собирал белье. «Что ты укладываешь рвань? Выбирай что лучше. Ведь к чужим людям еду, –

говорит Владыка. – Уложи белья три смены». Я принес с так называемого третьего этажа, а попросту с чердака, новенькую драповую рясу. Положена в чемодан иконка «Отрада и Утешение», несколько номеров «Московских Ведомостей», и даже серьезное чтение: «Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского» в новом издании С.-Петербургской Духовной Академии. «Съезжу. Только если и там толку не будет, то дня через три-четыре вернусь домой. Одна канитель. Работать нужно, а тут эта дрянь привязалась», – недовольно рассуждает Владыка.

Заказана карета, но еще не едет. Написан Владыкою и мне передан чек. Кое-какие распоряжения мною выслушаны. Разговор не клеится. Владыка сидит грустный-грустный, облокотившись на правую руку. «Идите домой. Занимайтесь с учителем своим делом. Иначе и на вас я скуку нагоню», – беспокоится старец. Но вот в 11 часов прибыл доктор Хориуци из госпиталя Св. Луки. С ним целая аптека. Подали и карету. Прежде чем выезжать, доктор еще раз слушал Владыку и непременно хотел сесть в карете рядом. Владыка воспротивился. Сел направо, я налево, доктор против Владыки. Перекрестились. На собор помолились и провожаемые суругадайскими насельниками выехали. Доктор каждые 5 минут справлялся, не «мучительно ли» Владыке. Но тот отрицательно махал головой. Как оказалось впоследствии, состояние Владыки в этот день было найдено столь скверным, что главный доктор госпиталя Св. Луки не решался перевезти Владыку иначе, как с необыкновенными предосторожностями. Разумеется, внутрь кареты была уложена цельная аптека. Тихо ехали, но через полчаса прибыли. Нужно снести Владыку на второй этаж – но здесь уже он не вытерпел: «Я не такой еще слабый. Поднимусь и сам». И поднялся. Но сразу сел на кресло и едва отдышался: «Вот устал-то! И времена же пришли!»

Больница принадлежит американской миссии. Двухэтажное деревянное здание. Учреждение благотворительное, но лишь в одной своей части. В другой же – страшно дорогое, ибо одно из немногих, имеющих в распоряжении европейцев и американцев. Владыке отвели перворазрядную комнату «Св. Троицы», как гласила английская надпись. Электрическое освещение, газовое отопление, большая кровать на пружинах, умывальник и прекрасный комод; коврики, картины – словом, довольно уютно. Но неприятно было слышать, что в этой комнате незадолго пред тем скончался католический архиепископ. Сего я просил не сообщать больному. Из окон прямо виднеется корпус католической миссии. Через улицу и рядом – миссия американская. Ведь Цукидзи –

местность, где расположен госпиталь, главным образом населена европейцами и американцами: «иностранный сетлмент» недалекого прошлого.

В больницу еще до нашего приезда прибыли свящ. о. Роман Циба, редактор Петр Исикава и секретарь Давид Фудзисава. Разобрали вещи Владыки, все разложили по ящикам. Но ввиду утомления Владыки и прозрачного намека доктора Блисса, оставили больного в покое.

В больнице мы сняли еще одну комнату по соседству с Владыкой, не говоря о сем ему, и установили в сей комнате дежурство из иерея (непременно) и из одного учителя или катехизатора. Обязанность дежурных была – следить за малейшим ухудшением в болезни Владыки. Они же должны были о всем телефонировать в миссию и принимать возможных посетителей. На двери комнаты Владыки повесили надпись: «Входить к больному и разговаривать с ним абсолютно воспрещается». К счастью, эта надпись не простиралась на меня.

Возвратившись домой, я составил телеграмму из 87 слов и послал ее почтой до Владивостока на имя В. К. Саблера. Затем вызвал иереев и преподавателей семинарии, и мы решили начать ежедневные моления за Владыку: в 6 часов утра литургия с прошениями о болящем и с молитвой за него, в 6 часов вечера всенощная и после нее молебен о болящем; петь должны воспитанники и воспитанницы по классам, но посещение служб предоставлялось доброму произволению учащихся и христиан.

Уехал в Цукидзи Владыка. Как будто солнышко красное удалилось из Суругадае. Все ходят пасмурные. На душе скверно. Точь-в-точь как в промозглый осенний Петербургский день. Напала какая-то апатия. И одна дума неотвязчиво в душе: а скоро ли опять прояснится погода, и опять засветит в миссии наше солнышко? Тревожно проведен был этот вечер и следовавшая за ним ночь в Суругадае!

12 (25) января

Я прибыл в госпиталь в 9 часов утра. Владыка сидел около кровати на кресле с опущенною головою. Голова и руки несколько тряслись. Бледный. Увидя меня, прямо начал жаловаться: «Всю ночь не спал, только промучился. Уложили меня вот на эту постель (на пружинах) и приказали не сходить с нее. Я не могу лежать, хочу встать – она (т.е. сестра милосердия) не позволяет. Я силен, хочу встать – так и она сильная: берет меня за плечи и обратно укладывает. Говорю: дай хоть книгу – не дает. Прощу: позволь хоть газету почитать – не позволяет. Одни мучения. В Суругадае лучше: сам себе господин». Я пробую заступиться за сестру милосердия: вероятно-де делает не больше того, что приказано докторами.

«Совсем нет, – возражает Владыка. – Просто дура попала. Вот придет доктор, пожалуюсь ему. А если и он не позволит спать сидя, уеду в Суругадай. А на этот эшафот – покорно благодарю, больше не полезу! Хочешь повернуться – и все на койке за тобой тащится. То ли дело у нас в миссии!»

И действительно, Владыка ни разу больше не спал на койке, проводя дни и ночи в кресле, обложенном подушками, причем второе, плетенное из камыша, кресло служило ему для ног.

«А ведь знаете, до чего вчера я устал! Три раза, вставая с кресла, упал на пол! Еще ладно, что ничего при падении не разбил из вещей. Да и теперь слабость страшная. С каждым днем сил все меньше и меньше становится», – говорит Владыка. Чай, приготовленный по-английски (крепкий, с молоком) Владыке не понравился. Просил прислать из миссии китайского. Туфли забыли – просил прислать туфли. И так как в 10 часов я должен был быть в семинарии на проповедническом собрании, то до вечера простился с Владыкой и возвратился домой, уговорившись приехать в 5 часов вечера.

Пробыл я на собрании в семинарии 2 часа. Воспитанники Усуи Лука и Кагета Тимофей говорили хорошо проповеди. Прочие слушали. Преподаватели разбирали. Делал в заключение замечания и я. Собрание прошло прекрасно, и у меня было чем порадовать Владыку в вечерний приезд к нему. Жду я 5 часов. Занимаюсь с секретарем текущими делами. Вдруг вбегают старик служитель и торопливо говорит: «По телефону из госпиталя вас просят прибыть как можно скорее. Владыке худо». Карандаш выпал из рук. Успев сказать: «Пошлите о. Романа в госпиталь со Св. Дарами», – я накинул рясу, схватил шляпу и почти бегом направился к воротам, где можно взять дзинрикися. Тороплю подать скорее, и с двумя человеками. Торопятся люди. Но мне кажется, что они слишком медленны и что вот именно из-за этой-то минуты не застаю я в живых своего возлюбленного Владыку. На душе мрачнее мрачной ночи.

Но вот поехали. Бегут столько, сколько могут, возницы. Но мне кажется, что тихо. «Скорее... Скорее!» – прошу их. Вот дом графа Тога – сегодня у него съезд. В каретах, в автомобилях, в дзинрикися спешат важные мужчины, разодетые дамы. Какой суетой все это казалось при мысли, что там, в Цукидзи, в смертной опасности мой старец! Встречается секретарь посольства А. И. Щербацкой с супругой, едут туда же, раскланиваются. Едва даже установил, кто это поклонился – так было скверно на душе! Я в больнице. «Что Дай-Сюкео?» – спрашиваю дежурную внизу сестру. Как я боялся получить роковой ответ! «Особых

перемен нет», – отвечает. Что-то с души свалилось, легче стало. Поднимаюсь наверх.

Владыка сидит на кресле, свесив голову на правую сторону. Глаза совершенно открыты. Рот открыт. Дышит тяжело-тяжело. Лицо как будто несколько скошено. Ноги протянуты на другое кресло. По бокам Владыки стоят две сестры милосердия. Одна неизменно держит пульс. Другая раскрыла грудь Владыки и делает какие-то впрыскивания.

«Что с Дай-Сюкео?» – спрашиваю. «С 4 часов дня очень худо», – отвечают. Приходит в который уже раз доктор. Опять трубки в уши, ослушивает сердце и удаляется. «Владыка! Владыка!» – зову я, взяв руку Владыки. Ответа нет. Прежнее положение. Еще раз расспрашиваю, когда и что случилось с Владыкой. «Уснул, сидя на кресле, в час дня... Пульс сделался опасным с 4-х». Опять приходит доктор, опять ослушивание. Сестры безотлучно. Не заметил я, как зажгли электричество. Неужели уже к 7 часам близко? Не хотелось верить!. Но было так. Наконец доктор, еще раз послушав Владыку, заявляет мне, что они извиняются за причиненное мне беспокойство. Но теперь просят больного оставить одного: опасность миновала, и они ручаются, что можно, не боясь за печальный исход, быть в Суругадае до утра. Небольшое утешение, а все же утешение. Той порой прибыли в больницу и о. Роман со Св. Дарами, и посольский о. протоиерей П. И. Булгаков, за коим я нарочито послал своих дзинрикия.

С каким-то тупым сознанием, что опасность отсрочена, но не уничтожена, возвращался я в Суругадай, который тоже нельзя было оставить хотя бы и без временного хозяина: дело шло своим чередом и требовало моего присутствия постоянно.

Обрадовались в Суругадае, что все же Владыке непосредственной опасности нет. Я у телефона на ночь положил сторожа. Конечно, сам всю ночь провел без сна, с постоянною мыслью: а вдруг да опять позовут туда. Но вызова не было.

13 (26) января

С замиранием сердца подходил я к больнице утром на следующий день. «В каком-то положении Владыка?» – думалось. Но вот встречает меня дежурный о. Роман. Владыка проснулся после вчерашнего сна с часу дня в 6 часов утра. Когда о. Роман сразу же к нему зашел, он узнал его, спросил из-за двери:

– Даре ка?

– Я, Роман.

– А, входи. Зачем пришел?

– Вас навестить.

– Спасибо. Мне значительно лучше, – ответил Владыка и сразу же задремал.

Захожу в комнату я. Владыка очень обрадовался.

– А я вас заждался. Ходите, пожалуйста, почаще. Все один и один... Скучно...

– Владыка, вчера я больше 2 часов ждал вас, но вы крепко спали, – отвечаю я.

Владыка заволновался.

– Я? Спал? Да что вы говорите? Да я уже забыл, как спят! Самое большее на 15 минут забудешься. Это они вам нарочно сказали, чтобы вы меня не беспокоили. Только не слушайте вы их, а прямо приходите ко мне.

Чувствую я, что Владыка вчерашнего дня не сознает. И в этом я скоро совершенно убеждаюсь.

– Знаете, ведь вчера я так устал, что три раза упал, вставая с кресла, – вторично заявляет мне Владыка. Но то, что было уже «третьего дня», для него все еще «вчера». 12-е число вне его сознания.

– Что новенького в Суругадае? Садитесь вот тут да рассказывайте по порядку.

Я начинаю передавать о вчерашнем проповедническом собрании. Владыка слушал с большим интересом.

– Это вам принадлежит счастливая мысль устраивать эти собрания. Вы их и ведите. И не ослабевайте. Постепенно только улучшайте. И тогда много пользы будет от этих собраний. Но и по моему мнению, нужно их устраивать не в субботы по вечерам, когда все-таки ученики устают, да и преподавателям нужно приходиться нарочито. А лучше, как и начали, по четвергам. Ведь и эти собрания – те же уроки. Кстати, у вас там привратник и привратница есть, прекрасно говорят проповеди. Таких нужно отмечать и поощрять. Ну дайте им обоим... 5 иен, что ли...

Я удивленно смотрю на Владыку, ибо конца его речи, о привратнике, положительно не понимаю. Внимательно всматривается в меня и Владыка. Вдруг он весело рассмеялся:

– Ну и наговорил же я вам сейчас путаницы! Что значит, что плохо спал! Ведь я сейчас сон видел: привратник-де и привратница хорошо говорят проповеди. И всегда так: останешься один, дремлешь, что суслик, и чего-чего не снится!

Казалось бы, дальше уже не будет снов. Но неожиданно Владыка озабоченно говорит мне:

– Вчера вечером о. Моисея связанного привезли и положили в больницу. Узнайте, пожалуйста, почему его связали и чем он заболел.

– Какого о. Моисея привезли? – спрашиваю – О. Сарапиа из Акита?

– Да нет. Вы его не знаете... Миссионера о. Моисея.

Только тут я понял, что Владыка опять бредит. Но на этот раз Владыка своего бреда не заметил и продолжал:

– Чем-то он, бедняга, заболел...

Продолжаем разговор совершенно обычный. Владыка всем интересуется. Все-то он расспрашивает. Совершенно здраво делает замечания. Но среди разговоров то и дело прикладывает палец к губам.

– Не подать ли вам воды? – спрашиваю.

– А зачем?

– Да вы палец к губам прикладываете.

– Да ведь я же «хон емимас», книгу читаю. Разве не видите?

Опять несомненный бред. И далее совершенно ясные мысли, интересные разговоры. Но среди разговоров Владыка вдруг, наклоняясь, гладит левой рукой одеяло койки.

– Владыка, не подать ли вам чего-нибудь? Вы что-то рукой достаете?

– Да не мешайте мне ради Бога! Сам спутаюсь! Видите, что я отчет составляю.

А составляя отчет, Владыка всю свою кровать-кушетку, стоявшую от него налево, обычно занимал сотнями разложенных расписок. Вижу, что у Владыки лишь половина разговоров сознательных, половина же в бреду. Поспешил я оставить его одного и немедленно попросил свидания с главным доктором госпиталя.

Высокий, черный, американского типа, энергичное лицо – это доктор Тейслер. С ним вместе вышел ко мне и низенький Блосс. Я передаю докторам свои наблюдения, спрашиваю: бредовое состояние есть ли результат лекарств, впрыскиваний?

– Ох, нет, это естественный ход болезни. Силы оставляют больного. И вспыхнув как свечка, он снова же ослабевает и бредит. Мы и сами видим, что он бредит. Только в таких случаях просим не продолжать разговора на тему бреда. И тогда он скоро ее забудет и опять заговорит сознательно.

– Каково в общем состояние больного? Скоро ли можно надеяться на его поправку?

– Ах, нет! Архиепископ ни в каком случае поправиться не может. Для этого нужно вложить в него и сердце новое, и почки новые.

– Как, разве и почки не в порядке? Первый раз приходится слышать. И доктор Ясосима этой болезни никогда не называл.

– Да. Мы произвели исследование, и оказалось, что у Архиепископа старая и сильно развившаяся болезнь почек.

– Но все же у вас, докторов, есть же хоть маленькая надежда на излечение? – допытываюсь я, желая так или иначе отделаться от висящего над головой тяжелого сознания безнадежности Владыки.

– Если бы он был помоложе... Но ведь вы его годы знаете. Нет! Надежды никакой не имеем. Разумеется, недели две или три еще прожить может. Правда, силы у него замечательные. Организм поразительно сохранившийся. Если бы не надолго последовало улучшение, то, может быть, Архиепископ даже 6 недель прожил. Только сами знаете, что при так расстроенном сердце может он скончаться и внезапно. Например, мы думали уже, что он умрет вчера, между 4 и 6 часами, когда вызвали вас, – так он был плох.

– Итак, даже при благоприятных условиях только 6 недель? – с отчаянием еще раз спрашиваю я.

И в ответ американски-холодное, добивающее:

– Но в этом случае силы его будут постепенно падать. Одновременно болезнь будет набирать силу. Может случиться, что на несколько предсмертных дней и в бессознательное состояние впадет. Но мы постараемся, чтобы катастрофа не случилась внезапно.

Вот все, чем поделился со мной доктор. Не предвидя такого откровенно жестокого приговора, я взял с собою к доктору о. Романа. И вот теперь вдвоем мы вышли в приемную гостиную, уселись на диван и заплакались. Здесь же дали слово никому не говорить того, что услышали от докторов.

Но то, что мы хотели сделать секретом от христиан, не было секретным делом для докторов и для репортеров «Никорай китоку!» – вечером выкрикивали уже на улицах газетчики, продавая газеты. Итак, всему Токио возвестили: «Николай при смерти!»

Возвратившись в Миссию, я послал сразу же товарищу и другу Владыки, сотруднику нашей Миссии Протоиерею Инженерного Замка в С.-Петербурге телеграмму такого содержания: «С Нового Года астма усилилась. Владыка в госпитале. Положение критическое. Уведомьте Владык» (разумея членов Свят. Синода). Дороги отсюда телеграммы: 1иена 40 сен за слово. Но не мог же я не послать известия, когда узнал, что катастрофа висит над нами и вот-вот разразится.

Днем у Владыки посетители – русские. Был советник посольства. Говорят, Владыка поразил их своей бодростью. Когда же я пришел к нему вечером, он, ничего не вспоминая про утро, поздоровался, встал с кресла, прошелся по комнате и говорит:

– А посмотрите-ка, еще не так плохо: ходить могу.

Было время чая. Владыка надумал и сам напиться чаю и меня напоить. И все ему хотелось делать самому. Попросил кипятку – подали. Недоволен, что в кувшине, а не в чайнике. Попросил два стакана – подали две чашки. Недоволен. Но все-таки чай заварили.

– А теперь не торопись попьем.

Тишина в комнате. Мягко светит электричество сквозь красный густой абажур. С удовольствием пьет чай Владыка. Попросил клюквенного сиропа. Я прибавил ему капельку.

– Как это мило, что мне его прислали, – говорит.

– Владыка, да вам хотели послать паюсной икры, только я отказался. Соленая, и вам бесполезно.

– Эх, чудак же вы, «клади в карету» – забыли? Соленая сейчас, а поправлюсь – с удовольствием съем.

Настроение Владыки было благодушное. Ничего похожего на утро. Я хочу налить вторую чашку.

– Обождите, будем пить с прохладцем. Куда торопиться?

Обождал. Выпили еще по чашке. Начал прощаться. Но Владыка попросил дать ему еще стакан кипятку с клюквенным сиропом. Выпил с удовольствием и даже просил приготовить второй и поставить на комод.

– Выпью ночью, когда пить захочется.

Владыка был так хорош, что утренний разговор с доктором как-то поблек в моем сознании и, возвратясь в Суругадай, я горячо молил Господа о даровании выздоровления болящему Архиепископу нашему Николаю.

14 (27) января

Суббота. Я приехал к Владыке утром.

– Спали ли? – спрашиваю.

– Разумеется, спал, только разве это настоящий сон?! Усыпляют лекарствами. Да вот дня 2–3 посмотрю, если лучше не будет – домой возвращусь.

Владыка скучный, задумчивый. Разговор не вяжется. О чем думал в эти часы больничного уединения старец? Можно было иногда догадываться только по отдельным фразам. «Некоторые желают знать минуту смерти. Желают, например, чтобы отец явился и сказал: помни такое-то число. Нет, я этого положительно не желал бы. Если умирать, так не зная, когда умрешь». Как, однако, судьба устроила вскоре совершенно обратное этим словам.

На башне Англиканской Миссии часы заиграли какой-то религиозный гимн «Не могу выносить. Надоели... Начнут – и не знаешь, когда конец

будет. А главное, все одно и то же». Даже такая безобидная вещь – и она способна была волновать больного.

День субботний. Вечером мне не было времени приехать, поэтому я простился с ним до утра.

15 (28) января

Воскресенье. Собор переполнен христианами. Я совершал литургию. Как сиротливо в соборе! Вот в левом приделе, бывало, стоит он, коленопреклоненный, и усердно молится во время Херувимской, например. Вот, бывало, на чтение Евангелия он непременно выйдет на клирос, чтоб не пропустить и одного слова. Нет с нами нашего молитвенника и сомолитвенника! Вместо этого на ектениях поминаем «болящего Архиепископа Николая», читаю молитву о даровании ему исцеления после сугубой ектении. Молебен. Вздохи христиан, при упоминании имени Владыки широко крестящихся. Платки у многих воспитанниц Женской Школы приложены к глазам. Слышны всхлипывания. Ох, крепкие нужны нервы для того, чтоб в такой обстановке и самому не заплакать.

Но и после обедни не сразу я мог отправиться в больницу. Пришлось ждать принесения в собор к 2 часам умершей христианки и отпеть ее. А принесли – опоздали. Лишь в 4-м часу увиделся я с Владыкой.

– Однако вы сегодня поздно. Да ходите вы почаще, – говорит Владыка.

Я ему объяснил, что меня задержало, – успокоился.

– А вы молебен за меня служили? Спасибо вам за любовь. И христиане были? Очень меня трогает. Молитесь! Молитесь! Не услышит ли Господь вашей и христианской молитвы?

Спрашиваю Владыку о здоровье. И как он сразу переменялся!

– Ради Бога не раздражайте меня. Вы же знаете, что я первый ненавижу свою болезнь! Ведь разве это жизнь! Одна канитель! Ничего не могу делать. Только ешь да спишь. Разве это жизнь? Дайте мне исцеление! А если не можете – к чему эти сочувствия?

Я только и мог сказать Владыке, что сейчас исцелил бы его, если бы это в моей силе было. Но это в Божией власти. А в нашей силе лишь молиться Богу о его исцелении.

– Вот, пожалуйста, и молитесь, – как-то необыкновенно мягко и просительно закончил Владыка.

Простились мы с ним до завтра. С сегодня, оказывается, Владыка отказался есть больничный суп и потребовал себе супа суругадайского. Повар Никанор принес его в бутылке. И после сего носил ему каждый

день.

С невеселыми думами возвращался я сегодня домой. Видимо, Владыку начинает томить невольное ничегонеделание. И этим он еще более расстраивает свое здоровье.

16 (29) января

Еще с первых дней переезда Владыки в госпиталь христиане просили моего позволения пригласить для освидетельствования Владыки первую знаменитость в Японии по внутренним болезням, профессора университета в Токио, доктора Аояму. Я, конечно, не только позволил, но и просил, при условии, что будет прежде приглашения профессора испрошено согласие главного доктора госпиталя. Согласие было получено. Но Аояма оказался в отъезде, и лишь 17 числа он смог впервые посетить Владыку. Об этом предупредили и Владыку. – «И так уже всего искололи! Но ничего, пусть смотрит. Только бы польза-то была».

16 числа прибыли христиане г. Тоёхаси. Давно уже они дали обещание построить у себя в городе церковь. Но доселе сие обещание не было приведено в исполнение. Было собрано лишь 3000 иен. Услышав о болезни Владыки и боясь остаться в его мнении не исполнившими своего обещания христианами, собрались христиане и решили: церковь построить; для этого собрать еще 3000 иен; об этом своем решении теперь же, пока еще жив Владыка, доложить ему. Но как доложить? К больному никого из посетителей, за редкими исключениями для русских, не пускают. Христиане явились ко мне и просили во что бы то ни стало свидеться с Владыкой. Я взялся устроить это так, чтобы для Владыки было как можно меньше волнений. Рассказал ему все, что сам узнал от христиан. Показал ему план местности, где будут воздвигать храм. Владыка всем живо заинтересовался. И непременно просил показать ему Тоёхасских христиан. А они уже ждали в приемной комнате. Вошли, молча приняли благословение со слезами на глазах. Но Владыка забыл и мое наставление «не говорить, а слушать», и свое обещание «только благословить». Стоя, низко, по-японски, поклонился всем христианам. Смеялся смехом радости. Горячо благодарил христиан. «Вот это для меня настоящее лекарство», – говорил Владыка. Необычайная подвижность, веселое, оживленное лицо, смех, разговоры: когда начать, где строить, – как все это не гармонировало с приговором докторов! Не верил я своим глазам, видя такого Владыку. Да и христиане ушли утешенными. «На этот раз еще, кажется, не конец, а лишь повестка: помни о конце! Но если еще болезнь повторится, тогда уже не выздороветь будет. Тогда конец будет», – заявил Владыка христианам Тоёхаси, прощаясь с ними. С надеждою, что

на сей раз «еще не конец», вышли христиане из комнаты Владыки, сердечно благодаря меня за доставленную радость видеть Владыку.

В этот же день побывал у Владыки один из старинных христиан, которого все считали потерянным для церкви. Принес Владыке 100 иен «на школы», ибо сам учился давно в катехизаторской школе (а сейчас офицер в отставке). Но Владыка так уже утомился, что на чеке вместо «100 иен» прочитал «400», и с этим приятным самообманом так и скончался.

Всю-то свою жизнь Владыка собирал на церкви, строил церкви. За этим делом жила душа его. И теперь, во время болезни, когда угасали его силы, как вспыхивали они, когда кто-нибудь жертвовал на построение церкви! Наоборот, как его угнетала мысль: из 10 никто не только ничего не прислал, но ничего даже и не ответил. И малым для него утешением были мои ему слова: «Бог даст, добрые люди пришлют».

(30) января

В госпиталь я отправился нарочито позднее, около 11 часов утра с целью застать консилиум. В 12 часов прибыл знаменитый профессор Аояма. В консилиуме приняли участие главный доктор Тейслер, доктор Блисс, доктор Хориуци. «Уже седьмой доктор будет свидетельствовать меня. Да пусть. Лишь бы к облегчению», – жалуется Владыка. Доктора осмотрели Владыку и в своем кабинете долго совещались. Уехал профессор Аояма, Тейслер и Блисс позвали меня и заявили, что все найдено так же, как и ими. Сердце совершенно испорченное, почки никуда не годные, склероз артерий. Не отрицают они возможности улучшения дней на 10, при условии абсолютнейшего покоя. Но затем болезнь должна усилиться и роковой конец последует, самое позднее, чрез 2 месяца. Итак, вместо 6 недель 2 месяца. Разница небольшая. Впрочем, прежний жестокий приговор.

Владыке доктора пока ничего не сказали. И это обеспокоило его: «Что-то кашель профессор, вероятно, худо нашел! Раз не говорят ничего, значит худо», – жаловался Владыка в тот день. Душевное беспокойство не преминуло отразиться на нем. И когда я прибыл к нему вечером, он показался мне необыкновенно скучным и утомленным.

(31) января

Расчетный за январь день. Лишь в 11-м часу утра впервые я мог увидеть Владыку. Когда я вошел в комнату, он сидел не в обычном кресле среди подушек, а на простом стуле, около комода, вблизи двери. Глубоко наклонившись, без малейшего оживления на лице, Владыка о чем-то думал.

– Наконец-то пришли! А я давно вас жду. Сегодня ведь расчетный

день. Найдите у меня на столе, налево, под толстой книжкой особый листок и по нему сделайте дополнительные выдачи.

Я говорю, что секретарь мне уже назвал всех значащихся на сем листке и я выдачи уже произвел.

– Ну и прекрасно. А теперь садитесь. Да вот здесь садитесь. Только разговор этот оставьте между нами.

Я в недоумении сажусь. Владыка неизменно безжизненно скучный.

– Слушайте: мне жить осталось две недели.

– Да что вы, Владыка! – пытаюсь возражать я. Но напрасно.

– Пожалуйста, не возражайте мне, а слушайте. Могу взволноваться, рассердиться, а это мне вредно. Считайте как факт: мне жить осталось две недели. Ну три недели. Если уж особая милость Божия будет, протянусь до Пасхи. И теперь весь разговор может быть лишь о том, как бы с большей пользой для дела использовать это время. Судите сами: Триодь Цветная не закончена. А и остались-то пустяки, всего три листа. Экономический отчет еще не кончен. А уже время его и отсылать. Вам по хозяйству решительно ничего не показано. Есть письма, и важные, на которые еще ответ не послан, например, Н. П. Конарову. Опись церковная начата, но не закончена. Конечно, и завещание не написано. Всего-то сделать не успею! Это ясно. Тем усиленнее должен работать, чтобы хотя главное-то сделать. Итак, порассудимте.

– Владыка, да кто вам сказал о двух-трех неделях? Разумеется, болезнь серьезная, но ведь для Бога невозможного нет. Ведь вы же так глубоко верите в милость и помощь Божию!

– Кто сказал? Да сам доктор мне сказал! Вот он сидел здесь, смотрел мой пульс. Я его и спрашиваю: «Доктор, я смерти не боюсь, но на мне лежит вся Церковь, и у меня масса церковного дела неоконченного. Перечислил я ему, как и вам сейчас, неоконченное дело. Итак, говорю, скажите, насколько не стесняясь, сколько я еще проживу». А он долго смотрел мне в глаза, а потом так-то спокойно и ласково говорит: «Да как вам сказать? Две недели. Три недели. Ну, может быть, болезнь протянется до двух месяцев». – «А поправиться невозможно?» – спрашиваю я. «Нет, для этого вам нужно вложить новое сердце». И начал он подробно мне описывать, где и что у меня разрушено. Оказывается, чуть не все разрушено.

– Владыка, дорогой, будем молиться, и Господь даст – ошибется доктор.

Владыка сразу оживился и говорит:

– Да сказать правду, я на половину только доктору поверил. А в

глубине-то души молюсь Святителю Николаю, Святителю Иоасафу и преподобному Серафиму вымолить мне у Господа еще лет пять. Только пять лет. Ведь сколько я тогда успел бы перевести! Только одна у меня теперь и есть молитва – именно об этом. Помолитесь и вы за меня. А теперь о деле: завтра же возвращаюсь в Суругадай.

– Как? Уже завтра? А доктор разрешит вам сделать переезд? Вы его уже спрашивали? – удивляюсь я.

– Я свободный человек, что хочу, то и делаю. Сказал: завтра – и уеду завтра. Не могу же я теперь здесь сидеть без дела. Только и знаю, что сплю.

– Но, разумеется, доктор будет ездить к вам ежедневно? – спрашиваю я Владыку.

– Да ладно, пусть по-вашему будет. Пусть и доктор ежедневно ездит. Только сестру милосердия положительно не нужно. На что она там мне? Да и где мы ее там устроим?

– Как на что вам сестра милосердия? Да кто же тогда будет за вами ухаживать? Слуга Иван? Так он только до 9 часов, а потом говорит: «Я должен спать». Уж не ночной ли дедушка Василий? Ходит по двору с колотушкой. Нет-нет и зайдет посмотреть, есть ли уголь в чугушке да жив ли Архиепископ.

Так как это мною было срисовано с натуры, то даже Владыка засмеялся.

– Ну ладно... Вас сегодня, вижу, но переспоришь. Берите и сестру милосердия, если она, по-вашему, для меня нужна. Только тогда сами ее и устраивайте, где хотите.

Немалых усилий стоило мне получить разрешение на устройство звонков из квартиры Владыки ко мне, потом к секретарю, слуге и сестре милосердия. Доселе их не было в Миссии. «Прямо стыдно будет звонить. Сам не хочет-де позвать, а зовет звонком». И только мое указание на то, что и Владыке ходить теперь будет уже трудно, да и слугам куда приятнее быть позванными по звонку, ибо они не любят, когда хозяин врывается в их интимную жизнь и обстановку, склонили Владыку дать разрешение.

Простился с Владыкой. Захожу к докторам. Оба страшно смущены решением Владыки уехать в Суругадай. Преждевременно переезжать. Не ручаются, что не умрет по дороге. Но удержать насильно не имеют права. Я просил все же убедить Владыку, что даже два-три дня пребывания в госпитале ему будут полезны. Доктора сие обещали. А я поспешил домой для распоряжений по проведению звонков и приготовлению квартиры Владыки, на случай возможного его переезда завтра.

19 января (1 февраля)

Вчера вечером, после молебна о здравии Владыки, сообщил собравшимся христианам, ученикам и ученицам о предстоящем возвращении Владыки. Рады сторожа–придверники. Но все смущены, ибо чувствуют, что Владыка возвращается не потому, что поправился, и опасаются за переезд от госпиталя до Суругада. Долго мы решали, как совершить переезд. Общее мнение христиан, что даже в карете весьма опасно. Лучше-де перенести на носилках, в лежащем положении, как переносят в Японии вообще больных. Но, разумеется, Владыка не согласится на такой способ передвижения. Поэтому решено взять карету, непременно на резиновых шинах, и ехать шагом.

Весь вечер, до 1-го часу ночи проводили звонки из квартиры Владыки ко мне, к секретарю, к слуге и к сестре милосердия.

Наконец, в 11 часов дня я поехал в больницу, решив карету, если понадобится, заказать из госпиталя. Владыка, по обычаю, сидел в кресле обложенный подушками. Бледный, с желтизной на лице, полудремал.

– Итак, сегодня переезжаем. Решенное дело? – спрашиваю я его.

– Погодите, вот придет доктор, посоветуемся с ним. Слабость сегодня страшная, – отвечает он мне.

Со мной пришел навестить Владыку старик иерей о. Борис Ямамура, которого Владыка очень любил. Я сообщаю о сем Владыке.

– И к чему эти беспокойства! Только расходуются да церковное время тратят. Позовите его сюда.

Входит о. Борис. Высокий, седой – настоящий патриарх. Берет благословение. Владыка усаживает его против себя.

– Зачем ты из такой дали приехал? Право, меня затрудняет даже такое проявление любви. Мне стыдно даже.

– Как же не приехать? Услышали, что вы опасно больны, и все христиане просили меня нарочито съездить и справиться о вашем здоровье.

– Да что, о. Борис! Плохо дело! Вот, св. Давид-то что сказал: 70 лет и лишь только особо сильные 80 лет. А мне как раз половина. Пожил – и будет. Пора умирать.

– Зачем умирать? Да вы еще поживите.

Трогательно было видеть эту мирную беседу двух старцев, из коих и о. Борис скоро поспешил за Владыкой: скончался весной сего года.

Простился Владыка с о. Борисом. Вскоре пришел доктор Блисс.

– Как мы спали? – спрашивает Владыку.

– Плохо, – отвечает Владыка. – Да если бы мог спать, то, вероятно, и

не болел бы. А могу ли я сегодня возвратиться в Суругадай? – спрашивает Владыка доктора.

– Разумеется, удерживать мы не в силах. Только я не ручаюсь, что вам сразу не сделается хуже. Пробыли бы у нас еще дня три-четыре, окрепли бы. Каждый здесь проведенный день принесет вам укрепление, даст лишнюю неделю здоровья.

Доктор говорил с Владыкой, конечно, на английском языке, и говорил как-то тихо, вкрадчиво, просительно. Наступило долгое молчание. Владыка о чем-то задумался.

– Но позвольте ли вы мне здесь заниматься? – спрашивает Владыка.

– Можно, – отвечает доктор, – только поменьше.

– Да я позову Накаи, и он, собственно, будет читать. Я же буду только слушать. Не буду утомляться, – уже Владыка полупросяще говорит. – И столик могу здесь поставить?

Оказывается, Владыке все разрешили – только бы не уезжал.

– В таком случае, – обращается ко мне Владыка, – возвращайтесь домой. В моем кабинете в шкафу на второй полке найдете японскую рукопись Цветной Триоди. У нас ведь все уже переведено, нужно только проверить. Там же увидите и славянскую Триодь. Все это передайте Павлу Накаи, и пусть он немедленно едет сюда. А я, так и быть, пробуду здесь до понедельника. (Т. е. до 23 янв. ст. ст.)

Я сразу же возвратился домой. Позвал Накаи. Он обрадовался, как конь бранный, услышавший военную трубу. Накаи все взял с собою и пришел в госпиталь в 3 часа дня. Действительно, они занимались с Владыкой полтора часа. Впрочем, на долю Владыки приходилось только слушать. Читал же рукопись Накаи.

И утомили же эти полтора часа занятий Владыку! Когда я пришел к нему вечером, он был в полусонном состоянии. А со мной пришел кроме того свящ. о. Петр Сасагава, про которого за его бездеятельность любил Владыка повторять: «Вот человек, которого забыли похоронить». Так он вял! Посещение это поэтому не могло Владыке доставить удовольствия. Он Петра принял, благословил, но ничего с ним не говорил. Да и мне, когда я остался один, сказал: «Утомляете только себя. Зачем ходить ко мне по два раза в день? Не нравится мне, что из-за меня вы пропускаете время дорогое». Поэтому мы уговорились, что дальше до понедельника я буду посещать Владыку только раз в день, именно около полудня, когда он бодрее себя чувствует.

Нужно ли говорить, с каким облегчением вздохнули все, когда узнали, что Владыка согласился отложить несколько свой отъезд! Очень уж все

боялись паралича сердца при переезде.

января (2 февраля)

С 9 часов утра Владыка занимался с Павлом Накаи переводом, или, точнее, проверкой перевода Цветной Триоди. Я к нему прибыл около 12 часов дня. Владыка выглядел очень бодро и беспокоился лишь о том, что вчера он обошелся с о. Петром Сасагавой несколько холодно: «Это вы так скоро утащили его от меня, да и сами-то скоро ушли, почти ни о чем не поговорив». Узнав, что о. Сасагава еще в Токио, Владыка просил меня привести его в больницу еще раз.

января (3 февраля)

Пришел к Владыке в 12-м часу дня. Он еще занимался с Накаи. Пред окном комнаты небольшой столик. На нем японские рукописи, тушечница, кисти, пред Владыкою – славянская Триодь. Накаи читает японский перевод. По другой тетради следит за читаемым Владыка. Временами останавливаются, вставляют запятую. Владыка в золотых очках, бодрый. Кто бы мог сказать, что это приговоренный к смерти старец? При мне дочитывали молитвы, чтимые в день Св. Троицы на вечерне, именно молитву за усопших. Кончили, Владыка перекрестился несколько раз. «Слава Богу, вот одно дело и кончил. Теперь хотя бы к печатанию приступать можно». Накаи Владыка отпустил, рукописи и славянскую Триодь сам связал: «Снесите в Миссию вы, ведь Накаи слабосильный. И уложите на старое место».

Согласно обещанию, я привел к Владыке о. Петра Сасагаву. На этот раз Владыка принял его очень ласково, расспрашивал о состоянии церкви в Сендае. А когда о. Петр ушел, Владыка и говорит мне: «Вот подите же! Я постоянно говорил, что его забыли похоронить, а еще он меня похоронит!»

Сообщил я Владыке просьбу христиан: разрешить в его комнате устроить электрическое освещение. Долго не соглашался Владыка: «Испортите мне все здание! Подождите, летом, если Бог будет милостив, повсюду проведем. А теперь зачем лишние расходы?!» И лишь только тогда, когда я разъяснил ему, что и здания не испортим, ибо главный провод пропустим через раму, и расходов не будет, ибо проводка бесплатна, а лампы покупают и дарят ему христиане за свой счет, Владыка стал колебаться. Когда же передал ему, что и электрическая компания, вообще заставляющая ждать очереди, в данном случае «для Николая» согласна немедленно приступить к работам, Владыка сдался: «Делайте, как хотите. Ну пусть будет у меня электричество». И много после сего он говорил о той любви, которую он видит во время болезни и от христиан прежде всего, и от инославных, особенно англикан: епископы Мак-Ким и

Сесиль и некоторые их пасторы не только посетили Владыку в больнице, но и молились за него у его постели.

В этот же день начали, а на следующий и окончили проводку электричества в кабинете Владыки.

22 января (4 февраля)

Воскресенье. В соборе, при большом стечении богомольцев, мы совершили молебен о здравии Владыки. Владыка в этот день опять был очень слаб – вероятно, поутомился над слушанием перевода Цветной Триоди. «Напрасно прожил здесь три дня», – говорит, но решимость завтра переехать в Суругадай полная. Весьма ворчал, узнав, что и звонки уже проведены и электричество уже действует. «Не нравится мне такая поспешность. Здание только портите», – опять повторил он. Но дело было, к удовольствию всех христиан, уже сделано. Я весь день провел в подготовительных распоряжениях к переезду Владыки.

23 января (5 февраля)

С утра затопили в квартире Высокопр. Архиепископа чугунок. Еще раз проверили все звонки. Попробовали электричество. Приготовили комнату для сестры милосердия. К часу дня к подъезду госпиталя заказали подать карету. Сделав все приготовления, я в 11 часов утра отправился к Владыке.

Он был уже совершенно готов к отъезду и лишь ждал обеда. По обычаю госпиталя, обед подали в полчаса первого. Владыка покушал бульона, жареного, но отказался от сладкого. После него наступило томительное ожидание: кареты нет, а и делать нечего.

– Да, все кончено. Конечно, дышать-то стало много легче. Но с каждым днем слабею и слабею. Однако видите, еще ходить могу. Что ж, будем молить Бога, чтобы Он дал мне еще годов пять жизни. А впрочем, все в Его воле. Вот ближайшие 3–4 дня ясно покажут: или в гору, или вскачь под гору.

Низко наклонился Владыка, глубоко задумался. «Нет! Уходили сивку крутые горки! Не знал удержу в ходьбе. На горы быстро поднимался. Всегда и всюду спешил. Вот и расплачивайся. Знал бы ранее, где упаду, соломки подостлал бы», – вслух размышляет Владыка.

Собравшиеся в ожидательной комнате христиане и христианки пожелали принять благословение Владыки. Он взял с комода принесенные ему цветы. Сам вышел первый раз в больнице в коридор и, благословляя каждого по очереди, всем дал по цветку. Все со слезами целовали благословляющую руку и брали цветок на память. В числе одаренных цветком случайно оказался и газетный репортер. Не мог же он пропустить

такого события, как переезд «Никорая» из госпиталя в Суругадай! И, разумеется, на утро все это было подробно описано в газетах.

Лишь в половине 2-го подали карету. Сапоги Владыка надеть уже не мог: так отекли его ноги. Пришлось выходить и ехать в туфлях. Надели драповую рясу. Доктора хотели непременно перенести его до кареты, но Владыка решительно отказался и поддерживаемый мной и о. Романом Цибой тихонечко спускался с лестницы. Сели в карету. Я закутал потеплее ноги Владыки одеялом. Перекрестились и тронулись. Сзади в особой дзинрикия ехала сестра милосердия. При отъезде, конечно, снимали фотографы. «И здесь-то снимают!» – сказал Владыка, как-то недовольно махнув рукой.

Много беспокоило Владыку то, что больница не подала ему счета при отъезде. Но когда я ему сказал, что христиане просили подать счет им и что у них на этот предмет сейчас уже имеется больше 200 рублей, Владыка с большою любовью говорил о своих христианах: «Все же жалко их, хоть бы половину-то с меня», – не переставал он говорить.

Поехали было шагом, но Владыка приказал поскорее. Погода необыкновенно благоприятствовала. Ровно в 2 часа 15 минут мы остановились у подъезда Миссии. Пред собором иереи, катехизаторы, христиане, служащие в Миссии, их жены. Некоторые плачут. Всем хочется хоть немного-то посмотреть Владыку. Владыка поднялся на три ступеньки подъезда, снял свою шляпу и, кланяясь всем, довольно громко сказал: «Вижу вашу любовь. Спасибо».

После сего он вошел в свою квартиру, а встречавшие со слезами возвращались по своим домам. В квартире, помолившись и раздевшись, Владыка немедленно же опустил в кресло. Скучный... Невольно показались и у меня слезы. Испросив разрешение продолжать ежедневные службы, я пошел домой, желая дать Владыке отдохнуть. Просил и других сделать то же.

3 часа дня. Время чая. Подают мне самовар. «Владыка отдыхает?» – спрашиваю. «Нет, сразу же достал бумаги и стал писать», – отвечает слуга. Я обомлел от неожиданности.

В четыре часа приходит секретарь и зовет меня к Владыке «с расписками». Я захватил все расписки к произведенным в отсутствие Владыки уплатам и общий подсчет израсходованных сумм, остаток и все это принес Владыке. Он молча все это взял и молча сам стал пересматривать и подсчитывать мои расходы. Немного уже оставалось до блаженного конца. Вдруг он остановился, поднял голову, как-то взволнованно посмотрел на меня и гневно говорит:

– Да что вы наделали? Напутали вы меня!

При этих словах счета он бросил на койку. Взглянул за грудь и тяжело дышал. Я ничего не понимал. Секретарь, вероятно, по обычаю, как-то изогнулся и незаметно выскочил в дверь. Молчание. Поднимаюсь и я. Владыка берет меня за рукав и усаживает на прежнем месте.

– Владыка, да в чем дело? Где я вас напутал? – спрашиваю.

– Да вы что принесли?

– Расписки на произведенные без вас расходы, – отвечаю.

– Да на что они мне? Мне все вам скоро придется сдавать! А вы мне сдаете. Мне от вас нужно было только две расписки за отпечатанные в прошлом году книги – для присоединения их к прошлогоднему отчету. 30 минут времени с вами потерял! А вы знаете, как оно мне дорого?!

Секретарь заглядывает в дверь и, видимо, момент находит благоприятным. Усаживается на своем месте. Я же отыскал Владыке интересные ему две расписки и ушел домой. Да, быстро и неожиданно Владыка последнее время раздражался. А это ему было так вредно.

Вечером Владыка позвонил мне: «Ну-ка! Провели электричество, так учите-ка меня пользоваться им!» Я зажег лампу. Вместо прежнего красноватого света и полумрака, ярко загорелась не очень сильная лампа. «Мило. Прекрасно. Спасибо вам. И стен не испортили. Только знаете, что я вам скажу? С той-то керосинкой я 40 лет прожил, а эта лампа меня в гроб проводит». В этот вечер Владыка пожелал лечь спать пораньше, ибо и переезд, и занятия поутомили его.

IV

24 января (9 февраля)

Утром пришел я к Владыке часов в 7. В кабинете занимались приборкой слуги. Владыка пил чай в гостиной; вид утомленный, скучный. Так как к 12 часам дня мне нужно было ехать к морскому агенту и дать ему окончательный ответ относительно Нагасакской земли, то я и выбрал этот свободный у Владыки момент для того, чтобы получить от него окончательное решение по этому вопросу.

Владыку весьма беспокоило, откуда мы будем оплачивать аренду участка и жалованье сторожу, в общем 238 иен в год. Но он полагал до постройки церкви платить из процентов с капитала на построение церкви, а построив церковь за весь капитал, впоследствии аренду и сторожа оплачивать из церковных доходов. Я позволил усомниться в возможных доходах церкви и высказал мнение, что лучше построить церковь лишь за 10 тысяч, отложив 5–6 тысяч в банк на уплату из процентов аренды и жалованья сторожу. Разговор происходил мирно, но почему-то Владыка весьма обиделся на мое мнение: «В таком случае вы и передайте морскому агенту свое особое мнение». Заволновался и еще раз подтвердил, что собственно из миссийских на содержание Нагасакской земли он не даст ни копейки. С таким-то неопределенным ответом, а еще более с расстроенным сердцем я и поехал в свое время давать ответ по срочному делу.

Зашел к Владыке в 4 часа. Он весь день составлял экономический отчет. «Погодите еще. Занят. Приходите, когда стемнеет; тогда и я заниматься не могу, и комнату у меня как раз прибирают. Вот тогда и поболтаем». В начале 6-го я пришел. Охая перешел Владыка в зал.

– Почему сегодня не было спевки в большой комнате? Ведь сегодня вторник? – спрашивает Владыка.

– Что бы не беспокоить вас, по совету доктора, мы спевку устроили для одного хора в крещальне, для другого в помещении воскресной школы, – отвечаю.

– Вот уж совершенно напрасно. Наоборот: пение мне доставило бы удовольствие. Спели бы, например, «На реках вавилонских». Я так люблю этот напев.

Я обещал сделать соответствующее распоряжение. Пользуясь случаем, прибавил я, что христиане полагают неприличным в дни печали по поводу болезни Владыки совершать браки. И, например,

предположенный и назначенный на этой неделе брак Петра Камитаги и Елены Кимуры, кажется, отлагается до после Пасхи.

– Это безобразие! Право же я затрудняюсь. Моим именем будут некоторые получать стеснение. Пусть все забудут о моей болезни. Все должно идти, как будто меня здесь нет.

Опять я обещал передать мнение Владыки и склонить, кого нужно, не откладывая брака.

– Да, делать нечего... Приходится умирать... Останешься один... И как подумаешь об этом – так обидно, так досадно становится, что слезы невольно появляются. И поплачешь. Ведь уж не такая же я развалина! Жил же митрополит Исидор до 90 лет! Единственное успокоение в том, что умру не я первый. Все умирают. Это общий удел. И вы потом умрете. Ведь только подумать-то, сколько бы я мог перевести еще богослужебных книг! И вдруг, извольте видеть, приходится со всем расставаться.

Но в это время открыли в зал дверь: «Комната прибрана». Владыка немедленно уселся за составление отчета. Зажгли электричество. «Премилая вещь. Заведите и вы у себя. Впрочем, зачем вам? Ведь скоро-скоро мне конец. А кстати, кто у вас будет жить в моей комнате?»

С поникшею головою, с сердцем скорбным шел я к себе наверх. Из головы не выходят слова: «Слезы невольно появляются. И поплачешь». Да и вся-то беседа сегодня около смерти и по поводу смерти. Пошел я прямо в церковь, где уже началась служба, и горячо молил Господа излить утешение в сердце страждущего отца нашего.

Вечером Владыка пожелал идти в ванну. Было у нас по этому поводу волнений много, однако ванну приготовили теплую, а не горячую, какую любил Владыка. И слуга был с ним в ванне, и сестра милосердия стояла за дверью ванны. Да и мылся-то Владыка, с раздеванием и одеванием, минут 15. Все прошло благополучно.

25 января (7 февраля)

– Хорошо ли спали после ванны, – спрашиваю Владыку.

– С вечера заснул. Но с часу ночи напала на меня астма. Делать нечего... Встал и составлял отчет. Впрочем, с 7 часов утра еще часок поспал, сон дополнил.

Несмотря на такую мучительную, неспанную ночь, Владыка сидел за отчетом до самого обеда. Зайдешь к нему, а он наклонившись над бумажкой шепчет про себя цифры: сложение и вычитание делал всегда на бумажках, не употребляя счетов.

После обеда к нему пришли христианки, представительницы разных общин, пять человек; от имени Женского Общества они поднесли Владыке

плюшевое одеяло и вышитую подушку на диван. «Подушку попрошу Преосв. Сергия положить со мною во гроб», – сказал Владыка. А одеялом был очень порадован и сразу же начал употреблять его, покрывая им свои ноги, что он делал в комнате почти всегда, во избежание повторения старинного ревматизма. Христианок он напоил чаем, а они сидели да плакали. Утешать их пришлось Владыке. Но от утешений они еще более расплакались. «Чего плачете, – говорил Владыка. – Я всю свою жизнь отдал Японской Церкви, а теперь пришла пора отдать ей же и тело. Мое тело, видите, обратится в японскую землю. И пусть будет оно залогом, что моя душа всегда будет с Японскою церковью. И там я за нее буду молиться. Чего же расплакались?»

Все эти депутатки после пришли ко мне. Подробно передали разговор с Владыкой и опять много плакали.

Уже закатилось солнце. Вероятно, Владыка сейчас прекратил уже занятия, думаю. Иду к нему.

– Как раз вовремя. Пойдем поговорим. – Накинув одеяло поверх плеч, Владыка со мной перешел в гостиную, где печь никогда не топилась и где и на этот раз была температура погреба. – Чувствую, что слабею... Ежедневно слабею. Силы мои оставляют меня. Хоть бы скорее кончалась эта трагедия. Ведь раз я не могу работать, какая же это жизнь?! И на что мне это? (Показывая на тело.)

Говорят некоторые, что человек только тело, что души у него нет. Нет, батенька, если бы человек состоял только из тела, то – не беспокойтесь – тело о себе позаботилось бы. Поберегло бы себя! Не допустило бы утомить себя до болезни. А так как кроме тела есть душа, да и сильнее она тела, вот душа и работает, и волнуется, и меры–удержу не знает, на тело смотря, как на помеху. Глядь – а тело-то и ослабело! Непорядок. Во всем должна быть гармония. Знал бы это в свое время – во всем бы меру соблюдал. А теперь и расплачивайся за свою неосторожность.

Не утешайте меня! Смотрите на все, как и подобает нам. Учитесь у доктора Блисса. Как он меня утешает! Сегодня я его спрашиваю: «А что доктор, на две недели меня еще хватит?» А он мне отвечает: «I hope – я надеюсь». Не больше. Да еще прибавил: «Удивительный у вас организм! Другой бы на вашем месте уже давно умер». Нет, безусловно, настал кагири (предел, конец)!

И все же, как бы хотелось сбросить с себя лет 30–35 и стать опять вот таким, как вы! Сидишь и считаешь. Да неужели же в самом деле тебе 75?! Но как ни считай, а все выходит 75. Да когда же пролетело время-то? Ведь

все прошлое кажется таким недавним, как будто я его только что пережил!

Эх, начать бы теперь лет 40! Более молодых годов не желаю. Церковь уже начата, и приличная церковь. Чтобы ни говорили, а тысяч 20 во всяком случае будет. Теперь настало время ее украшать, развивать, упорядочивать. Презанимательная работа! Весь бы ушел в нее. Вот бы поработал уж!

А слышали, что не так давно католический архиепископ умер? Да... Почти в одно время с ним мы заболели. Совершенно поправился было, но неожиданное осложнение – и умер. Еще все газеты тогда писали, что оба-де умирают. Он уже умер. А я пока отвертелся.

Кстати, вам два слова о католиках. В Хакодате это было. Католические миссионеры приходили в гости в Русское консульство. Их кто-то и спрашивает, как они смотрят на успех православия в Японии. Что же они ответили? «Да, сделано много, но все это есть личное дело Николая; все это есть, пока жив Николай. Не станет Николая – и дело разрушится». Да разве у нас здесь «Николаево дело?» Тьфу! Тьфу! Не Николаево дело! Божье дело! Бог дело начал, Бог церковь созидал. А мы лишь Его недостойные слуги. Что в нас есть такого, чтобы не от Бога? Что ты имеешь, чего бы не получил – помните, у апостола Павла (1Кор. 4:7)? А что Бог именно мне или вам дал, так в этом нашей заслуги ни на волосок! Разве есть какая-нибудь заслуга у сохи, которою крестьянин вспахал поле? Разве может она хвалиться: «Глядите-ка, православные, что я наделала!» Разве кто-нибудь скажет: «Хорошо соха вспахала»? Все скажут: «Молодец, мужичок, ловко вспахал!». Так и здесь: Николай... Сергей... Роль наша не выше роли сохи. Вот крестьянин попахал-попахал, соха износилась, он ее и бросил. Износился и я – меня бросят. Новая соха пахать начнет. Так смотрите же, пашите! Честно пашите! Неустанно пашите! Пусть Божье дело растет! Пусть посрамятся католики! Дайте слово! Так смотрите же, не измените!

А все-таки приятно, что именно тобой Бог пахал. Значит и ты не заржавел. Значит за работой на Божьей ниве и твоя душа несколько очистилась. И за сие будем всегда Бога благодарить.

Николай... Николай... Николаево дело... Увы, и в России это говорят. Неправда! Тысячу раз неправда! Божье дело! Божье дело! В России много про меня пишут. Только все, что пишут, – идеализация! Издали не видно, вот и пишут. А вблизи посмотрели бы – плюнуть да отойти! Вот, что такое Николай! Ко мне-то все сии похвалы не пристанут. Но если через меня что-нибудь перепадет на сторону Православной Церкви, истинно был бы рад.

Однако комнату уже давно приготовили, и Владыка, прервав свою беседу, поспешил к своему столу и сел за составление отчета.

26 января (8 февраля)

С раннего утра Владыка сидел за отчетом. «Самый серьезный момент: итоги подвожу. Пожалуйста, не спутайте меня! Сам спутаюсь», – говорил он, когда я временами заглядывал к нему. Сестра милосердия, по обычаю, сидела на стуле за его креслом и временами смотрела его пульс и мерила температуру. Вид у Владыки бодрый, деловой. Никто не поверил бы, что это присужденный к скорой смерти старец. Но сестра неизменно провожала меня в коридор и, качая головой, говорила: «Силы Дай-Сюкео слабеют с каждым днем».

Днем была спевка. На этот раз по-старому, в комнате, почти соседней с Владыкой. Спели нарочито для Владыки «На реках Вавилонских». Но исполнение Владыке весьма не понравилось: слишком-де тянули.

Но вот и опять вечер. Со стенами Владыка перешел в гостиную. И опять полились разговоры, из коих, конечно, лишь некая часть записывается сюда.

– Отслужил я свои 50 лет. Теперь вы свою долю отслуживайте. Почти 4 отслужили, немного и осталось: побольше 40 лет. Не смейтесь, быстро пролетит время! Так не сбежите отсюда? То-то, смотрите!

Забудьте, что там были. Умрите для службы там. Знайте только Японскую церковь. И главное – уважайте свое служение. Наше дело большое здесь!

Да, истинно Бог вас сюда послал. И как раз вовремя. Церкви вами почти все посещены. Служащих церкви почти всех вы узнали. Всюду и все-то вас полюбили. Вот, смотрите-ка, опять спрашивают: да когда же вы приедете? Правда, хозяйства миссийского вы не изучили. Но кое-что я вам покажу. А впрочем, все сами найдете, не велика мудрость! И меня похороните. Да, верю, что Бог послал мне вас на утешение.

Даже стыдно было слышать эти речи Владыки, с коим мы так мирно, так дружно, ничего не деля, но во всем взаимно помогая друг другу, трудились некоторое время. Все же мне Бог такую радость дал в течение почти 4 лет!

Заговорили о душе. Глубоко верующий, с великим смирением о себе говоривший Владыка и здесь так низко оценивал себя! Отдавая каждую минуту делу Божьему, душеполезному, он говорил:

– Все хозяйство и хозяйство! Некогда о душе-то и подумать. А право, преинтересно, что и как там, на небе. Скоро все узнаю. И в этом отношении я много счастливее вас.

Снова заговорили о церкви.

– Что бы ни говорили, а учение Христово на добрую почву здесь падало. Я свои 50 лет отслужил, первый период кончил. Теперь вы новый период жизни церкви начинайте. Что уже есть – объединяйте... Расползлись, что раки по разным концам страны и мира! Объединенное воодушевляйте. Ведь разве не помогал нашей немощи, нашей нищете и телесной, и духовной Бог? И в сем наше утешение. Да добрыми обычаями церковь украшайте. С меня достаточно было и того, что я хоть учение-то вливал.

Кстати, строить церкви будете, примите за правило: не разрешать строить без алтаря и престола. И верьте, скоро ваши усилия увенчаются успехом. Вот уже строят настоящую церковь в Сюузендзи. Пусть такую же церковь, а не молитвенный дом строят потом и в Тоёхаси.

Ради Бога, располагайте везде, чтобы христиане жертвовали на иереев, на катехизаторов, на молитвенные дома.

Истинно говорю: останемся когда-нибудь мы без гроша! Ведь кто сейчас заседает в Думе-то! На что угодно дадут! Только на Бога, на Церковь не дадут! Да и не все же нашей церкви ходить на костылях! Уже не ребенок, чтобы в помочах нуждалась.

Однако опять открылась дверь – значит комната прибрана. Владыка, всегда точный, моментально оборвал разговор:

– Ну, покойной ночи! Поужинаю, да и за дело.

А Владыку все-таки доктора заставили ужинать. И он им подчинился.
января (9 февраля)

К полудню еще ранее законченный отчет был уже Владыкою переписан в одном экземпляре. Переписан ясно, твердо. Вызывает звонком меня. «Всегда я сам переписывал отчет в трех экземплярах: один оригинал для миссийского архива и по экземпляру в Св. Синод и в Миссионерское Общество. Но нынче, сами видите, сил нет. Никогда никому не доверял этой работы. Правда, раз как-то переписывала графиня Путятинна. Ну, а теперь уж, будьте добры, помогите. Перепишите. Когда сможете? Примите во внимание, что доктора торопят меня умирать».

Когда же я сказал, что беру на экземпляр по одному дню и постараюсь переписать строка в строку, чтобы не переделывать постраничных итогов, старец страшно обрадовался: «Ой-ли?! Так скоро? Но тогда мы сразу и отошлем. И душа моя успокоится».

Я сразу же сел за переписку. И переписка весьма сократила на день два часа моего общения с Владыкой. Владыка же сел за следующее срочное дело: нужно было ответить на некоторые срочные письма.

Первым письмом было письмо к Н. П. Комарову, секретарю Миссионерского Общества. Посоветовавшись со мной, Владыка решил написать, что нам особого позолотчика для исправления иконостаса из России не нужно. В связи же с предстоящими работами по украшению собора написанными в Москве на линолеуме картинами Владыка решил вызвать архитектора Коцера и ему поручить ремонт собора.

января (10 февраля)

Когда я пришел к Владыке с обычным утренним визитом, он подал мне большой пакет, со словами: «Почитайте-ка». Это был пакет от нашей благотворительницы Е. Ф. Колесниковой. Пишет Владыке, что она с мужем жертвует на построение церкви в Хакодате 3000 иен и спрашивает лишь, чем лучше – деньгами или вещами. Посоветовались мы с Владыкой. Без денег церкви не построить. Вещи же, в крайнем случае плохенькие, можно всегда найти. Решили просить прислать 3000 иен деньгами.

Владыку эта жертва необыкновенно обрадовала. Так он скорбел, ничего почти не получая в последнее время на постройку церкви в Хакодате – вдруг сия жертва! «Бог доброго дела без помощи не оставляет никогда. Всегда какую-нибудь добрую душу к жертве расположит», – говорил Владыка. Немедленно же он решил послать ответ по содержанию сего пакета.

Я весь день переписывал отчет. Когда я пришел к Владыке после всенощной, у него было уже готово пока одно только письмо – Н. П. Комарову. Прочитал он мне это письмо. Поразила меня какая-то отрывочность и слишком большая деловитость сего письма. Почерк письма совершенно твердый. «Одобряете? Итак, посылаю! Приписать разве, что дальнейшую переписку придется ему вести с вами? Впрочем, он ничего не знает о моей болезни. Не знает, что я умираю. Еще, пожалуй, подумает, что я на что-нибудь рассердился... Ничего не буду приписывать». Письмо здесь же было запечатано и сразу послано на почту.

29 января (11 февраля)

Воскресенье. Праздник «Кигэнсэцу» – основания Японской Империи. Я служил обедню и после нее благодарственный молебен. Служба затянулась. К 2 часам дня я уже доставил Владыке в переписанном виде 2 экземпляра отчета. На смену он дал мне переписать два донесения, посылаемые при отчетах, – одно в Св. Синод, другое в Миссионерское Общество. Они заняли у меня и воскресенье до полуночи, и понедельник с раннего утра. Много беседовать с Владыкой поэтому не удалось.

Вечером Владыка написал письмо Е. Ф. Колесниковой. В минуты

отдыха читал газеты. Как раз попал номер «Московских Ведомостей» от 14 января с телеграммой из Токио о его болезни. «Кто бы мог ухо послать, не знаете? Не может же быть, чтобы Г. Т. Назаров! Он ко мне хорошо относится... да и пометка «от собст. корр.». Впрочем, ведь все напечатанное правда. Положение мое тяжелое. Дай Бог до Пасхи дотянуть! А есть и польза от телеграммы: узнают в России о болезни – быть может, кто-нибудь за меня и помолится».

30 января (12 февраля)

Отчеты сегодня к 11 часам утра мною переписаны. Владыкой они просмотрены и подписаны. Подписаны не только твердо, но и красиво. Подписаны им и донесения в Св. Синод и Миссионерское Общество. Готовы, наконец, и конверты. «На 17 лет ведь я бумаги и конвертов заготовил! Но не пришлось мне ими попользоваться! Но вам надолго беспокойства не будет: всем этим вы обеспечены. А теперь учитесь приготавливать расписки к отсылке».

И началось настоящее обучение. Едва ли оно не было роковым для Владыки! Владыка вынул ящик из стола, освободил его от вещей и поставил на стол. Затем, постоянно нагибаясь, Владыка брал с койки расписки к какой-нибудь статье расхода и укладывал их в угол стола так, что две их стороны всегда получались, конечно, ровными. А ведь расписок сотни. В одной, например, пачке что-то свыше 800. Столько, значит, раз наклонился и опять разогнулся Владыка. «Позвольте теперь мне, – говорю. – Я технику дела усвоил» – «Погодите. Смотрите и учитесь. Вот, всегда так же упаковывайте», – отвечает.

Расписки по статье уложены. «А теперь учитесь сшивать их». И вот, сам Владыка, несмотря ни на какие протесты, нажимает их рукой вместо пресса и, за неимением машинки, протыкает для длинной кнопки отверстие перочинным ножом. Сколько нужно и здоровому-то человеку усилий, чтобы сделать такую работу! И конечно, Владыка ничего не смог, а лишь порезал палец. Пришлось залепить его пластырем. Доделал эту работу, равно и подобрал все прочие пачки документов, я. Владыка же сидел, задыхаясь, и после каждой пачки выдавал мне шутливо аттестат: «Коо», т. е. высшая отметка.

Это «обучение» меня искусству подбирать и сшивать расписки сделало то, что среди дня пришлось делать вспрыскивание для успокоения его сердца. Но оградить Владыку от такой работы ни у кого сил не было.

Настало время обеда. Подает мне слуга на первое блюдо «ігіўго» и говорит: «Бурины». Лишь по внешнему подобию я понял, что он так назвал мне блины: ведь уже масленица. Но неужели и у Владыки блины?

Оказывается, по его-то заказу они и сделаны. И каждый год он заказывал себе непременно «бурины». И ел то, что ему подавали вместо блинов. Я попробовал, но есть отказался. Однако раздается звонок, меня зовет Владыка. «Сегодня блины, и вот принесенная вами икра... Видите, пригодилась! Но не могу же я один ее есть! Садитесь и вместе покушаем», – угощает Владыка. Я отказался, сославшись на то, что уже весьма напился. Владыка же ел без аппетита, но достаточно.

А результат неизбежен. И всегда-то Владыка чувствовал, что его желудок плох. Во время болезни всегда принимал желудочное лекарство. Расстроился желудок и теперь.

Когда я пришел к Владыке в обычный час, т.е. около 6 часов вечера, его вид поразил меня. Сильная одышка, страшная усталость, необыкновенная слабость. «Ну, опять начинается! Вот так же скверно было, когда я уезжал в госпиталь! Но теперь, вероятно уж, конец. Не без причины же Блисс попросил у меня мою карточку. И так трогательно просил! Ясно, что от умирающего пациента на память. Да и в самом деле, хоть бы конец скорее! Невыносимые страдания. Seriously говорю: страдаю. Смотрите, будете писать некролог – упомяните, что я пред смертью страдал». Все это говорилось среди страданий, но с таким юмором, что я не удержался, чтобы не сказать: «Владыка, да не охайте вы так часто! Будьте духом пободрее – и не так велики будут страдания». Но Владыка, схватившись за грудь и смеясь, ответил: «Ну и дожил! Умираешь, и то не верят. Вот, что значит – не болел и долго жил».

Веселое под конец беседы настроение Владыки так не вязалось с его действительно сильными в этот день страданиями!

Возвратился он в кабинет. Первое, попавшееся ему на глаза, – сестра милосердия. «Уже 8 лет служит сестрой милосердия. Ухаживала за русскими пленными. Тридцать человек через ее руки отправились уже на тот свет. А я буду 31-м». Те же слова повторил он и сестре, с такой любовью ухаживавшей за Владыкой.

Перед сном, желая ослабить свои страдания, Владыка просил ванны. Но так как ему ее не разрешили, то он настоял все-таки хотя на том, чтобы вымыться горячей водой. Выходить в коридор было не безопасно. Идти же до ванны было весьма опасно. Поэтому пришлось в комнате разостлать непромокаемую бумагу. Владыка сам вымыл себе голову горячей водой, а слуга обтер его теплой водой. Как будто с вечера некое облегчение наступило.

31 января (13 февраля)

После ранней литургии пришел к Владыке около 8 часов утра. Он

сидел в гостиной и пил чай. На мой вопрос, как он себя чувствует, сначала он ничего не отвечал, а потом, по обычаю, заявил:

– Не спрашивайте, пожалуйста, меня о болезни. Вы знаете, что я первый ее ненавижу. Видите, придерживаясь за стулья хожу – значит плохо.

Видя, что Владыка очень слаб, я поспешил оставить его, сказав:

– Пойду заниматься с учителем, пока до свидания.

Но неожиданно Владыка говорит мне:

– Вы должны подавать во всем пример христианам, и сегодня заниматься не следует.

– Да почему же не следует заниматься? – недоумеваю я.

– Да ведь сегодня же воскресенье, а вы хотите заниматься!

Ясно, что Владыка был в бреду. Я немедленно сообщил это наблюдение сестре милосердия, но и она лишь подтвердила, что сегодня у Владыки сознание не вполне ясное и что с третьего дня ему гораздо хуже.

В 9 часов утра был у Владыки доктор Блисс. Непосредственно за ним зашел к Владыке и я. Он встретил меня словами: «Был доктор. Худого не нашел. Но ослаб я! Совсем ослаб! А много ли народу было в церкви? И почему по окончании литургии не прозвонили, как обычно? А я-то поджидал...» Видя, что бредовое состояние еще продолжается, и помня совет доктора Тейслера не продолжать разговора при бреде больного на тему бреда, я пошел домой, а Владыку убедили прилечь и отдохнуть. Спал или лежал он до 11 часов. Началась спевка. Запели любимое Владыкою «На реках вавилонских». В это время я пришел к Владыке за ключами от библиотеки. Он сидел на кресле, подняв ноги по совету доктора на койку, и охал.

После 4 часов дня, наконец, полное сознание возвратилось к Владыке. Оказывается, он после обеда поспал и уже успел надписать несколько адресов на пакетах, отправляемых в Миссионерское Общество. Когда я пришел к Владыке, нашел его сильно взволнованным. Он писал чек. «По утрам я слабею, поэтому пишу сегодня. А две хакодатские суммы, коим сегодня истек срок, переписываю на ваше имя. И, пожалуйста, не отказывайтесь! Видите – умираю! Все равно чрез месяц вам все придется брать в руки. Смотрите на дело мужественно».

Делать нечего, пришлось дать согласие переписывать суммы, коим выходит в банках срок, на мое имя, о чем особым письмом Владыка и уведомил банки. Переписал на мое имя Владыка в этот же день и суммы, находившиеся на текущем счету. Тяжело было давать согласие на эту переписку от живого еще, что после мертвого принимаешь наследство.

В 6-м часу, пока прибирали кабинет, Владыка опять беседовал со мной в гостиной, сидя на диване.

– Ведь вот, едва уже хожу. А хотелось бы прожить еще лет с 10. Только во вкус переводов вошел. Года через два принимайтесь и вы. И прежде всего за Каноник. Молитвы ко причащению, молитвы по причащении уже есть. Утренние и вечерние тоже есть. Акафист Пресвятой Богородице найдете там. Переведен. Нет других канонов и акафистов. Но последние – одни слова, и для перевода нетрудные. А ирмосы есть уже в Ирмологии. Словом, для начала работа по силам. А страшно умирать! Ох, как страшно умирать! Этого-то, тела, не жалко, умер – и ладно. Но ведь попадешь-то куда?! Обязательно в «дзигоку», да еще на самое дно! Если праведник едва спасется, то нечестивый и грешный где явится (1Пет. 4:18)?

Я имел великое счастье принимать исповедь сего праведника. Исповедался он мне перед праздником Рождества Христова. И услышанные мною слова великого смирения сильно поразили меня.

– Уж если вы, Владыка, так говорите о себе, то нам-то, грешнейшим паче всех человек, где придется быть? Однако и мы питаем надежду на милосердие Божие.

Решили еще раз исповедаться взаимно, по обычаю, с наступлением дней Великого Поста.

– Смотрю назад – все в каком-то тумане. Что хорошего я сделал? Ничего! Искренне говорю: ничего! Молиться как следует не умею. Не трудился столько, сколько нужно было, для пользы церкви. Весь уходил в хозяйство.

А похороните-то меня все-таки поближе к собору. Например, за парком Уено, в Янака. И от собора недалеко, и христиан там немало. В России, конечно, архиереев хоронят в соборах. А здесь! Где уж! Язычники скажут: город заразит.

Ну, да будет хныкать! Что-нибудь расскажите лучше. Вот, в Хакодате, бывало, скучно станет – прямо к псаломщику Сартову: расскажи что-нибудь...

Но не до рассказов было. Не так настроена была душа. Да и сестра милосердия открыла дверь и позвала Владыку завтракать. Мы простились.

Утром в этот же день Владыка получил из С.-Петербурга телеграмму: «Молимся о здравии вашем. Саблер, Малевский». Владыка долго держал телеграмму в руках: «Как мило! Как трогательно! Но отвечать что же? Не писать же: умираю!»

1 (14) февраля

По обычаю, к Владыке пришел около 8 часов утра. Пил чай. Поздоровались.

– Пожалуйста, и за меня помолитесь, – говорит, видимо, полагая, что я иду к литургии, Владыка.

В десятом часу сам позвонил ко мне. Прихожу. Он показывает мне написанный им на бандероли адрес и говорит:

– Разберите-ка, куда нужно пакет сей направить! По-русски «С.-Петербург», а по-английски «Москва». Далее-то смотрите: письмо И. И. Деткину, а пишу «Лихов переулок». Каково? Совсем памяти не стало! Совсем умираю! Ну что бы стал делать почтальон с таким письмом, а?

Видя, что Владыка работает, не будучи в полном сознании, я прошу позволения написать адрес.

– Ах нет! Я делаю над собой опыты. Пишу и думаю: «Не ошибусь». И как раз в эту-то именно минуту и соврешь. Сегодня воскресенье? – спрашивает Владыка.

– Да нет же, сегодня среда, – отвечаю.

– Вот, все спутал! А сколько времени сейчас?

– 11-й час, – отвечаю.

– А мне все кажется, что уже после обеда! А какое же число сегодня? – продолжает расспрашивать Владыка.

– Число 1-е. Завтра Стретение Господне.

– Так сегодня не 31-е?

На этом мы и простились пока.

Около 12 часов я зашел доложить Владыке, что съездил в банк и там все согласились сделать согласно с письмом Владыки. Владыка мне жаловался: «Опять трудно дышать! Видимо, начинается та же болезнь, что была и до госпиталя».

В 3 часа был доктор Хориуци из госпиталя. Нашел состояние сердца Владыки очень худым. Сделал впрыскивания. Дал сестре наставления «на всякий случай». На вопрос, есть ли опасность, ответил, что непосредственной опасности нет, но что положение очень серьезное. До завтра ручается. А далее все возможно.

В 5 часов вечера Владыка прислал мне книжку сберегательной кассы. Я был у него сразу же после сего. Читает с интересом «Православный Благовестник». Сознание ясное. «Ходят доктора, только мне мешают... Хоть бы хуже было, что ли... А то какая-то неопределенность».

Поговорили о предстоящей всенощной. На этот раз Владыка вполне разобрался в числах и днях и отменил назначенные на вечер занятия с Накаи.

Направляясь в церковь, зашел к Владыке. «Весьма сегодня скверно. Помолитесь за меня», – только и сказал; и охая поднял ноги на кровать. С 8 часов вечера Владыка заснул, сидя в кресле.

2 (15) февраля

За 15 минут до службы зашел к Владыке. В гостиной на столе стоит приготовленный стакан чаю. Владыка со страдальческим выражением лица стоит рядом со столом, положив руки на края стола.

– Совсем ослаб! Моцирон, аруку кото га декимасен (т.е. разумеется, ходить не могу), – заявляет Владыка, тяжело дыша.

– Варуи дес (т.е. плох), – говорит и сестра милосердия.

Я говорю Владыке:

– Иду служить литургию. Помолюсь горячо и за вас.

– А сколько же теперь времени? – спрашивает Владыка.

– Без 10 минут 9 часов, – отвечаю.

Владыка перекрестился широким крестом и низко, до пояса, по-японски, мне поклонился. Я вышел из комнаты и телефоном непременно просил главного врача госпиталя прибыть в Суругадай сегодня.

По окончании литургии я опять зашел к Владыке.

– Душит, страшно душит, – жалуется, полулежа в кресле.

Лежит распечатанная телеграмма. Я спрашиваю:

– От кого?

– Не читал. Прочитайте.

Читаю: «Скорблю душою, узнав о вашей болезни; молю Бога о скором выздоровлении; радуюсь сообщить о новом пожертвовании. Графиня Шувалова».

Владыка оживился. Перекрестился. «Слава Богу! А сколько?» Я отвечаю, что ничего не написано. Владыка еще раз перекрестился. И невольно мне вспомнились его слова: «Прислал бы кто-нибудь на церковь хакодатскую, прошли бы все боли».

В 4-м часу дня был у Владыки Тейслер. Что он нашел – неизвестно. Но на вопрос Владыки: проживу ли еще с месяц, – ответил, что его болезнь не к смерти, что сердце исправилось и что он, при его организме, может прожить еще лет с 10. Сестре же милосердия Тейслер дал разные инструкции на случай осложнений. Несомненно, что Владыка Тейслеру поверил совершенно. И когда я к нему входил в комнаты, он, застегивая подрясник и прогуливаясь по кабинету, необыкновенно весело говорил мне:

– А я только что хотел послать за вами! Можете меня поздравить. Сердце исправилось, и мы еще вместе проживем. Может быть, даже лет 10.

Итак, с завтра же принимаюсь за перевод... как их называют... вот ведь забыл...

– Миней, – подсказываю я.

– Вот именно, займусь с завтра переводом Миней. Будет даром дорогое время терять!

Весьма Владыка начал шутить.

– А эта болтушка (показывая на сестру) тевисуру кото нака-нака дзёодзу дес (т.е. в свободном переводе: ловко со мной справляется). Поставит градусник подмышку. Держите, говорит, и не двигайтесь. Уже 10 минут прошло, 15, 25 минут прошло. А она все свое: не двигайтесь. И приходится подчиняться. Вот, думаешь, взяла градусник. Могу я поработать. А она как раз за руку. Пульс, извольте видеть, свидетельствует. И опять 10 минут, 15 минут. Попросту обманывает, заставляя отдыхать.

Все это говорил со смехом, все время показывая на сестру. Та смутилась. Пришлось ей перевести разговор. Тогда и сестра засмеялась. Вероятно, так и было когда-нибудь.

Владыка сел на кресло. Дышит тяжело. Пот на лбу, на щеках. Рядом стоит сестра и, поминутно вытирая полотенцем пот с лица Владыки, ласково спрашивает Владыку быть «отонасику», т.е. потише. Но не успокаивается Владыка и продолжает шутить. Вот он протягивает левую руку и пробует взять легкий пресс. Но пальцы не могут удержать пресса. Он вываливается. Тогда он пробует левой рукой взять газеты. Пальцы двигаются свободно, но удержать бумаги не могут.

– Смотрите, чюубу начинается. Паралич начинается, – полусмеясь говорит Владыка.

Сестра успокаивает его: это-де результат постоянных впрыскиваний неизменно в левую сторону груди. Владыка поверил. Да и я поверил.

Владыка начинает планировать работу ближайших дней. Прежде всего письмо г-же Крестовниковой, граф. Шуваловой. «Спасибо последней. Но до тех пор, пока не соберется 25 тысяч, строить еще нельзя».

Незаметно подошло время уборки комнат. Мы перешли в зал. Уселись.

– Посмотрите-ка на обои! Чем не хороши? А купил их еще о. Анатолий. И служат они мне ровно 32 года. Ведь еще хороши, не правда ли?

Стены почти сплошь завешаны картинами. Я и говорю:

– Если бы вы и еще повешали картин, то обои выглядели бы совсем

хорошо.

Владыка засмеялся.

– Разумеется, не первой свежести. Но они говорят о моем постоянстве.

Налево у дивана висит большой портрет мальчика. Владыка начал рассказывать его историю. Это сын маркиза Сайго, христианин, принявший крещение в Петербурге, где он воспитывался с сыном посланника Струве. Впрочем, Владыка фамилию Струве долго не мог вспомнить. Я прошу его продолжить разговор без фамилии – не соглашается. «Нет, умираю. Видите, и памяти нет! А заставлю себя вспомнить». И вспомнил.

Настроение Владыки как-то быстро переменялось. Много мы говорили. Владыка наставлял меня после его смерти непременно исполнить следующее: а) катехизаторам после их проповедей в Церкви делать сразу же замечания, если таковые нужны, не откладывая в долгий ящик; б) и катехизаторов непременно приглашать на проповеднические собрания в семинарию; в) самому начинать проповеди в Суругадайском соборе, ибо я доселе проповедовал всюду, только не в Суругадайском соборе; г) следить, чтобы сторожа не опаздывали со звоном, иначе – штрафовать их (это под впечатлением сегодняшнего опоздания на 15 минут); д) частные панихиды служить, лишь дав всем крест (это по поводу отслуженной сегодня в присутствии всех панихиды по одной учительнице Женской Школы).

В 7-м часу простились. Меня Владыка просил зайти к нему еще раз перед сном. И я зашел в 8 часов. Но Владыка уже спал, лежа на кровати. Ввиду доброго вида, в коем я оставил Владыку, прощаясь с ним, я решил впервые во время болезни выспаться. Ведь каждую ночь полудремал, в ожидании сначала телефона из больницы, потом – звонка из комнаты Владыки. И понятно, нервы совершенно истрепались. В 9 часов я лег и сразу же заснул мертвым сном.

3 (16) февраля

Но не судил мне Бог выспаться в эту ночь. В самую полночь вдруг пять пронзительных звонков, один за другим, заставили меня буквально бежать в квартиру Владыки. Это звала меня сестра милосердия. Оказалось, что Владыка ночью почему-то сполз с койки и теперь лежал на полу, ногами к койке, головой к окну. У меня даже есть предположение, не упал ли он, хотя сестра и уверяет в противном. Правда, знаков ушиба не оказалось. Владыка лежал на полу с открытыми глазами, как будто что-то хотел говорить. Но ни одного звука отдельного я не услышал. Дыхание

тяжелое. С большими усилиями мы с сестрой подняли Владыку на койку. Но он опять делал ногами довольно резкие движения, делая, видимо, попытки встать. Я сел в ногах. Сестра около груди. Она сделала впрыскивание. После часа ожидания Владыка постепенно закрыл глаза и, несомненно, заснул. Улучшился и пульс Владыки, весьма испортившийся было вследствие падения на пол.

В 6 часов утра у комнаты Владыки полная тишина. Видимо, спит. В 7 часов сестра встала, но Владыка продолжал еще спать. Зашел в 9 часов – Владыка еще не вставал.

Наконец сестра известила меня, что Владыка встал, сел на койку, полуоделся, но после минутного размышления опять лег и спит. Совершенно же проснулся и встал Владыка лишь в 11 часов утра – случай, с ним доселе небывалый. Сам вышел в коридор, где сам же умылся. Пока прибирали комнату (спальню-кабинет), он в гостиной выпил стакан чаю.

Прихожу к нему я в начале 12-го. Уже сидит у стола. Надеты золотые очки. При моем входе обернулся ко мне: «Здравствуйте. Видите, как худо! Едва дышу. Никогда не было так мучительно, как сегодня». Вид Владыки был нехороший. И мне показалось даже, что он владеет языком не столь свободно, как обычно. Да и говорит низким тоном.

Пред Владыкой чековая книжка. На мое имя оставшуюся сумму переписали без чека, так как проценты подсчитали лишь после. Владыка сегодня должен был написать чек на сумму переводимых им на меня денег, включая и проценты, но рука его не слушалась. И с правой рукой сделалось то же, что вчера было с левой. Однако кое-как и свою подпись, и сумму цифрами Владыка написал. Это есть последний его автограф. Я спросил Владыку, не могу ли быть ему чем полезным, но он ответил мне: «Идите с Богом и занимайтесь своим делом! А и я в тишине позаймусь». Подписанный чек Владыка передал секретарю, чековую книжку положил в несгораемый сундук – открыть его достало и сил, и памяти. Подали ему обедать, но он отказался: «Теперь не хочется, немного после». И секретарю, и сестре он жаловался, что ему сегодня тяжело. В час дня Владыке сделали впрыскивание и он лег спать. Проснуться должен был в 4 часа дня.

В 4 часа меня вызывают звонком. Думаю: Владыка проснулся. Но ошибаюсь. Владыка продолжает спокойно спать, а сестра свидетельствует его пульс и говорит, что он плох. Я остался в комнате Владыки. Скоро пришли священники о. Роман Циба и о. Василий Усуи. Прибежал о. Петр Кано. Владыка продолжал спать. Иереи поражались, как тяжело он дышал. Но для меня-то нового ничего не было. Да и сам Владыка всегда шутил:

«Сплю, а в горле то флейта, то тромбон. Всякие духовые инструменты». Сестра время от времени наклонялась над Владыкой и громко спрашивала: «Дай-Сюкёо сан! О-ме замени паримасита ка?» (Дай-Сюкео, проснулись ли?) Но Владыка не отвечал. Вот уже и час прошел после срока, а Владыка не просыпается. Сестра уверяет, что еще каких-нибудь полчаса – и Владыка пробудится. Посторонние поэтому вышли. Остался на некоторое время один я. Постоянно свидетельство пульса. Плох, но непосредственной опасности нет. Ждем с минуты на минуту доктора.

Однако вот уже и 6 часов. Ударили в колокол. Но и звон колокола на Владыку впечатления, по-видимому, не произвел. Затрезвонили. Но Владыка продолжает спать по-прежнему глубоким сном.

Пришел священник о. Усуи. Боясь, что Владыка проснется и рассердится, увидя постороннего, уселся в зале. Я сел в ногах Владыки и читал Акафист Божией Матери.

В 6 часов 30 минут буквально вбежал давно ожидаемый доктор. Но не Блисс и не Тейслер, а ассистент последнего Хориуци. Пульс очень слабый нашел... Вспрыскивание... Держа руку Владыки, советуется с сестрой, какого лекарства сколько прислать. Уверяет, что сегодня опасности нет.

Однако опасность была ближе, чем предполагалось. Лицо доктора принимает испуганное выражение. «Кикен», – говорит, т. е. «опасность». И начинает снова вспыскивания. А я стал в ногах Владыки на колени, позвал и о. Василия Усуи. Он по-японски, а я по-русски начали читать молитвы на исход души. Слышен недолгий и несильный стон Владыки. Я продолжаю молиться. Смотрю, преклонили свои колена и язычники – доктор и сестра. Молитва кончена. «Ровно в 7 часов скончался», – заявляет доктор.

V

Итак, 3 февраля в 7 часов вечера, а по-петербургски около 12 часов дня не стало Высокопреосвященного Николая, Архиепископа Японского. Он мирно, без каких-либо предсмертных страданий, но после долгой и тяжелой болезни преставился ко Господу на 76-м году своей жизни, на 52-м году своего служения Церкви Божией, на 51-м году со времени своего прибытия в Японию. Горько заплакал я, стоя у постели Владыки, только что покинувшего меня. Один... Сирота... Никого-то на службе в Церкви японской, кто хотя отчасти мог бы понять мое горе! Уедешь, бывало, в путешествие – где твой притягательный центр, куда летят и откуда получают письма чуть не ежедневно? В Суругадае, в квартире Владыки! Возвратишься на отдых в Токио – с кем бесконечные разговоры о церковных японских делах? С кем побеседуешь и о делах личных, и о делах общерусских, особенно церковных? С Владыкой! У кого был неисчерпаемый источник утешения на всякую потребу? У него же! Словом, последние четыре года на 99% моя жизнь переплелась с личностью Владыки. И вот я стою у его ног. «Владыка, Владыка!» – зову я. Но молчит он. А только сейчас вот дышал, хотя и тяжело дышал. Тайна смерти. Тайна великая воли Божией. Но сердцу от этого не было легче, и оно плакало.

В 7 часов 15 минут раздался с колокольни удар за ударом, звон нашего колокола. Даже не предупрежденные о смысле 12 ударов (а они раздались в Японии по случаю смерти впервые) обитатели семинарии и женской школы с плачем прибежали в миссию, где им сообщили печальную весть. Начались минуты незабвенные, но душу раздиравшие. И теперь слезы на глазах, когда пишу о сих минутах. Открыта дверь в гостиную. Открыта дверь из кабинета. Входя чрез гостиную, лентой тянутся сначала воспитанницы, за ними воспитанники. Нет человека, который не вытирал бы слез. А эти рыдающие, эти горько плачущие! Все поклоняются Владыке. Целуют еще совершенно теплую его руку. А он спокойно спит. Да, именно спит – такое впечатление на всех производил его, совсем непохожий на мертвого, вид.

По положению, Владыку отерли св. елеем, привезенным от св. мощей угодника Божия Иоасафа о. прот. П. И. Булгаковым. Облачили Владыку в полное архиерейское облачение из золотого глазета. Затруднились было найти какую-либо из его панагий: не знали, где он их хранил. Поэтому я принес свою перламутровую от Гроба Господня, с изображением на ней

Воскресения Христова. И не случайно Владыка, построивший несколько Воскресенских церквей и во время болезни так часто бредивший Воскресением, лежит в могиле с символом Воскресения на персях своих.

К 10 часам успели уже прибыть нарочито извещенные посольский о. протоиерей с семьей, семья Назаровых, семья Осиповых, Мендрины, т. е. те немногие русские, которые или живут в Токио, или в этот вечер из Йокогамы прибыли в Токио. К этой же поре в Женской Школе уже приготовили легкий матрац из белой материи с ватой, на который и положили тело Высокопреосвященного Святителя Божия по перенесении его в Крестовую церковь, находящуюся как раз над его квартирой и в соседстве с моей квартирой.

Начали первую панихиду уже близко к 11 часам ночи. Необычный час. Переполненная до духоты церковь. Необыкновенное возбуждение осиротелых миссийских школ. Скорбь христиан. Понятно, что совершенно растрепались нервы мои, когда я в полчаса 12-го ночи вошел в свою комнату. После 4 часов дня впервые вошел. Думал ли я, выходя в 4 часа, что иду к умирающему? Полагал ли, что возвращусь лишь около полуночи, и круглым сиротой! Так-то неожиданно складывается и вся наша жизнь. Бодрствуем же, да не внидем в напасть, да не постигнет и нас внезапно час смертный.

По случаю кончины Высокопр. Николая мною сразу же были посланы телеграммы Высокопр. Митрополиту Антонию, обер-прокурору Св. Синода В. К. Саблеру, прот. Инженерного замка в С.-Петербурге Ф. Н. Выстрову, товарищу и другу почившего, и Преосв. Василию Можайскому, родственнику почившего. Телефоном непосредственно после смерти было извещено о печальном событии посольство. А во все провинциальные церковные общины посланы известительные телеграммы. До 3 часов ночи в мою квартиру входили за распоряжениями относительно похорон. И как хотелось задержать как можно дольше сих собеседников, хотя и по скорбному вопросу! Но вот в 3 часа ночи я остался совершенно один, но лучше не вспоминать некоторых минут – так они тяжелы бывают даже при воспоминаниях!

Не сидит уже Владыка. Не делает ему впрыскиваний сестра. Лишь тихое чтение Слова Христова, на служение которому Владыка отдал всю свою святую жизнь, нарушает таинство смерти, столь очевидное у постели еще так недавно, лишь вчера, оживленно беседовавшего и составлявшего план на 10-летнюю работу.

На утро все газеты поместили заметки, посвященные Высокопреосвященному Архиепископу. Даже газеты, всегда враждебно

писавшие о нем и нашей церкви, на этот раз изменили себе и печатали панегирики. Многие газеты поместили портреты почившего святителя. А затем до самого дня погребения не прекращались заметки относительно панихид, полученных телеграмм, знаков сочувствия, посетителей нашей миссии с выражением соболезнования и т. д. Составилась целая литература, которую хотелось бы привести и здесь. Но лучше на сие назначить особую статью.

Можно сказать, что 4 февраля уже вся Япония знала о смерти «Никорая». Потекли в миссию христиане города Токио, выражали свое сочувствие инославные христиане: англикане, баптисты, методисты, армия спасения, евангелики и прочие многочисленные протестантские секты. Но замечательно – ни звуком сочувствия не обмолвилась самодовольно в себе замкнувшаяся Церковь католическая, хотя и было основание отозваться: незадолго перед тем умер архиепископ католический, и от нашей Церкви было им послано сочувствие. Кто с поклоном, а кто с визитной карточкой спешили в миссию и не принявшие еще учения Христова, и не только простые граждане, но и князья, и графы, и виконты, и бароны, министры и неслужилый люд. Стали спешно съезжаться в Токио иереи. Испросили позволение прибыть наши полунищие катехизаторы. И не достало сил отказать им в этом разрешении, хотя это и вызывало миссийские расходы: ведь все просились на последние проводы своего духовного отца!

Но вот откликнулась и далекая матушка Россия. Чудную телеграмму прислал Святейший Синод: «Святейший Синод, с глубокою скорбью известясь о кончине Высокопреосвященного Николая, поручает Вашему Преосвященству вступить во временное управление делами православной духовной миссии в Японии и предать тело почившего святителя честному погребению со всяким благолепием. Молитвами преставльшегося ко Господу Архиепископа Николая да ниспошлет Господь милость Свою православным японским христианам в их тяжелой утрате. Митрополит Антоний». Такова телеграмма Святейшего Синода. Уже посланное телеграмму учреждение заставляло к каждому слову отнестись с особым вниманием. Но тем с большею признательностью читали православные христиане сию телеграмму, что в ней нашли ответ на вопрос своего сердца. Слова «молитвами преставльшегося ко Господу Архиепископа Николая» произвели на всех неотразимое впечатление. Телеграмма эта, полученная в 12 часов дня 5 февраля, решила вопрос о лице, имеющем совершать погребение, и дала поэтому возможность с точностью назначить день погребения.

Апостол Алтай со своими сотрудниками не преминул отозваться на нашу скорбь телеграммой же: «Алтайская миссия, начальник ее, томский миссионерский комитет со мной выражают глубокое сочувствие вам с миссией. Молятся об упокоении апостола Японии Архиепископа Николая. Архиепископ Макарий». Русско-Японское общество, чрез своего председателя барона Розена, телеграфировало из С.-Петербурга на английском языке: «Русско-Японское Общество выражает глубокое сожаление по поводу печальной кончины почетного члена Архиепископа Николая. Барон Розен, президент». Телеграфировал соболезнование от имени Новгородского миссионерского комитета, от Владивостока почтой, Высокопреосвященный Архиепископ Новгородский Арсений. Но в России смерть Архиепископа Николая, видимо, глубоко тронула не одни только верхи общества. Вот, одна из благочестивых стариц, что протелеграфировала: «Завтра переведу две тысячи телеграммой на погребение Высокопреосвященного Николая. Расходуйте. Глубоко скорблю. Синельникова». Добрая Анастасия Петровна и не подозревала, что она своим великодушным порывом подтвердила, подкрепила то, что с такою силою всю свою жизнь проповедовал святитель Николай, именно: «твердую, как скала, веру, непременно выливающуюся в дела добрые». А как отрадно было, что умерший на чужбине святитель лег все-таки на клочке земли, купленной за средства доброй русской души, и похоронен в склепе и гробе, сооруженном на те же средства! Широко твое сердце, боголюбивая Матушка-Русь православная!

Разумеется, сразу отозвались и прочие русские, проживающие в Японии. Не говорю уже о посольстве в Токио, бывавшем на всех панихидах, принимавшем участие в похоронной процессии; не говорю и о консульстве в Йокогаме. Все положительно резиденты Токио и Йокогамы побывали на какой-нибудь панихиде, и все были на похоронах. Прислали свои соболезнования русские и из других городов Японии. Так, консульство Нагасаки телеграфировало: «Прошу принять выражение глубокой скорби по поводу кончины обожаемого всеми Святителя Николая. Все православные потеряли отца и заступника. Молимся за его упокоение. Выводцев». Консульство Хакодате так телеграфировало: «От имени своего и консульства, при котором наш незабвенный Архиепископ Николай полвека назад начал свое великое дело, спешу выразить вам, Владыка, чувства глубокой скорби по поводу кончины дорогого Архипастыря. Траутшольд». Агент Добровольного флота в Цуруге Н. Д. Федоров телеграфировал: «Я и остальные русские Цуруги просим принять уверение в глубоком сочувствии вашей скорби. Прошу сообщить день

похорон. Федоров». Немногочисленный ряд телеграмм был заключен телеграммой из Москвы: «Братство Святителей Московских в девятый день кончины новопреставленного Архиепископа Николая соединяется с японскою Церковью в молитвах об упокоении души великого проповедника слова Божия. Скорбим об утрате, постигшей японскую Церковь и все православное христианство. Прославляем Святителя, апостольскою ревностью потрудившегося во благовестии Христовом. И молитвенно взываем ко Господу, да утвердит и расширит Он церковь Свою святую среди японского народа. Анастасий, епископ Серпуховский. Председатель Совета Павел Мансуров». Сколько утешения, опять, почерпнула и из сей телеграммы православная паства, рассеянная по разным концам Японии! И жаль, что, вероятно, страшные цены за телеграммы (по 1 р. 40 к. за слово) не дали нам больших утешений.

Тело Высокопреосвященного Архиепископа лежало в Крестовой Церкви. В субботу 4-го февраля утром и вечером после всенощного бдения, в воскресенье после литургии и вечером, в понедельник 6 февраля утром и вечером здесь были совершены торжественные панихиды, всегда в переполненной церкви. Владыка лежал еще не в гробе, ибо гроб не был готов. Чудный обычай мне пришлось наблюдать в эти дни впервые за время своей службы в Японии!

Известная группа христиан, по взаимному соглашению, приходит к телу почившего с вечера и бодрствует до утра, слушая чтение Евангелия. Обычай этот есть и в обычной жизни, при погребении знакомых, и называется «чююя». Трогательно было видеть старичков и старушек в полудремоте, но около своего Дай-Сюкёо проводящих ночь. Умилительны были матери семейств, приходившие со своими грудными ребятами и здесь же располагавшиеся с одеялами. Но мне не забыть одной ночи. Она тем сильнее поразила меня, что была почти неожиданна. Конечно, плохо спалось. Немного нападёт забытьё – очнешься: через стену в церкви читают св. Евангелие. И с такою горечью в который уже раз почувствуешь, что все это не сон, а горькая действительность. Так было и в эту ночь. Потянуло к Владыке. Пошел. Открываю дверь. И что же? Вокруг тела Владыки сидят по-японски девочки нашей Женской Миссийской Школы, человек 40. У всех в руках Св. Евангелия и зажженные свечи. Все с благоговением в последний раз поучаются от безмолвного Владыки словесам Христовым. Я обомлел от неожиданности. Заплакал. И возвратился домой. Да, велика и искренна была любовь Владыки к своим христианам, нежна была привязанность его к школам. И поняли это христиане. Почувствовали это своим сердцем ангельские души

воспитанниц. Любовь к своему Владыке привела их на всю ночь разделить с ним безмолвие смерти! Но говорил им Владыка чрез Христово слово.

Во вторник, 7 числа, пред утренней панихидой положили тело почившего Святителя во гроб. Гроб был сделан из японского кипариса, из негниющего дерева «хиноки». Употреблен самый лучший материал. Внутри обложен ватой, обит белым шелком. Снаружи отделан белым шелком и гасами. Но доски употреблены слишком толстые, и гроб сделан и длинный, и широкий, и высокий. Поэтому только один гроб весил около 6 пудов. По освящении гроба и переложении в него тела Владыки, с малым крестным ходом, при перезвоне колоколов, гроб был перенесен в Воскресенский собор, где и поставили его посреди церкви, впереди Архиерейской кафедры. Совершили сразу же панихиду. Вечером в этот же день и днем в среду, 8 февраля, здесь же, у гроба, были совершены панихиды.

В это время любовь и усердие молодых людей создали прекрасный балдахин из зелени и цветов, который не только находился в соборе до погребения, но и после него был перенесен на кладбище и там заменил первый шатер над могилой Владыки.

Немало хлопот было с вопросом о кладбище. Первоначально христиане предполагали купить большой участок на кладбище в Зоосигае, что-то около 600 кв. саж. На этот участок было дано согласие мною ввиду того, что в будущем около могилы Святителя Божия можно бы широко развить и просветительное, и благотворительное дело. Однако постепенно на этот участок цену подняли так, что пришлось от него отказаться. Отвергнув прочие возможности, я предложил осуществить волю Владыки и похоронить его в Янаке. Но здесь не нашлось ни одного непроданного участка. Пришлось искать участок по соседству на городской земле. Нашли. Пришлось от Министра Внутренних Дел просить разрешения городу продать этот участок нам. Разрешение получено. Город участок продал. Но он еще не в черте кладбища. Опять пришлось обращаться к Министру Внутренних Дел за разрешением наш участок включить в кладбищенский. Разрешили. Только тогда можно было приступить к устройству склепа.

Участок, купленный нами в Янаке на средства А. П. Синельниковой, небольшой. Но он вполне достаточный для того, чтобы на нем построить церковь формы корабля. Размер его P/a саж. на 7'/г саж. Имея в виду со временем непременно устроить над могилой Владыки церковь, и склеп я устроил так, чтобы он приходился как раз на средину будущей церкви. От поверхности земли до верха склепа 5 футов. Сняв землю на такую глубину

и устроив полцеркви на одном уровне с верхом склепа, мы имели бы возможность малым чем быть отделенными от Владыки и над его могилкой возжечь и неугасимую лампаду и установить неусыпаемую Псалтирь. Но это только внизу, в церкви Святителя Николая Мирликийского Чудотворца. Но мне хотелось бы построить еще церковь и вверху, ведь не покупать в этом направлении место! И эта церковь, с массой окон, с открытым куполом, расписанная картинами из жизни Христа Спасителя, была бы тем местом, где непрестанно, как бы из гроба почившего святителя, возвещалось миру спасение, дарованное чрез Крест и Гроб Христовы, но Воскресением. И сия церковь должна быть Воскресенскою. Так представлялось и представляется мне дело постройки храма на могиле Высокопреосвященного Архиепископа Николая.

Разумеется, как бы было прекрасно, если бы Владыка мог быть похоронен в созданном им соборе! Но мы живем в стране, где внутри больших городов не разрешается погребать решительно никого, и где самих Императоров погребают за городом, а попросту часто на открытом поле. Впрочем, не только нами были произведены соответствующие ходатайства, но просило о сем и Российское Императорское Посольство. Но нарушить законы не представилось удобным. А сказать правду, для Миссии это было бы, пожалуй, и опасным.

Склеп сделан из толстого гранита, на цементе. В склеп поставлен ящик, сделанный точно так же из японского кипариса, или «хиноки». Пространство между стенками склепа и ящиком засыпано углем. Для опускания гроба устроено приспособление с блоками на цепях. Все эти работы в среду 8 февраля были закончены, и погребение поэтому могло состояться без отлагательств, чего можно было опасаться по позднему началу работ. Впрочем, работали и по ночам.

Накануне погребения, в среду 8 февраля, был совершен Парастас, а за ним мною для прибывших русских панихида на славянском языке, а после сего начались панихиды, кои служились группами иереев, по просьбе прибывших из провинции христиан, и служились всю ночь. Всю ночь у гроба провели (чююя) на этот раз катехизаторы.

VI

9 февраля, в четверг, было совершено погребение Высокопреосвященного Николая, Архиепископа Японского.

В 5 часов утра в приделе св. Апостолов Петра и Павла совершена литургия соборно 5 иереями-японцами при диаконе-японце; пела группа катехизаторов. В 7 часов утра в Крестовой церкви совершил литургию протоиерей посольской церкви П. И. Булгаков в сослужении двух иереев-японцев (за теснотой церкви только 2), при диаконе Д. К. Львовском, при пении русских воспитанников духовной семинарии. В 7 же часов утра в соборе, в главном приделе Воскресения Христова, совершена литургия мною в сослужении начальника Корейской Духовной Миссии Архимандрита Павла и 9 иереев-японцев, при пении Миссийских школ. Непосредственно за окончанием архиерейской литургии начата была литургия в правом приделе Введения во храм Пресвятой Богородицы, совершенная также соборно 5 иереями-японцами, при одном диаконе, пели катехизаторы. Таким образом, литургии об упокоении души новопреставленного Архиепископа Николая совершались на всех четырех Престолах с 5 до 10 часов утра.

По окончании архиерейской литургии было предложено собравшимся христианам прощаться с Владыкою. Непрерывною лентою тянулись сначала школы наши, а за ними христиане-японцы, русские, иностранцы. Прощание продолжалось до начала чина отпевания, т.е. до 11 часов утра. Погода хмурилась. Нет-нет да и перепадал дождик. Но во время отпевания поднялся ветер силы тайфуна. И хотя он весьма препятствовал процессии, но дождя все же не было.

Подъезжают к Миссии кареты – это съезжаются послы, министры, знатные люди. Верхом на конях приехало несколько генералов. Миссийский двор переполнен народом, не говорю уже о соборе. Полнехонько и на прилегающих улицах. Ровно в 11 часов начался перезвон всех колоколов, непрерывно продолжавшийся 2 часа во время отпевания. Ровно в 11 часов я вышел на отпевание, имея в сослужении архимандрита о. Павла, протоиерея П. И. Булгакова и 32 японских иерея, при 5 диаконах. Епископ англиканской церкви Мак-Ким и другие представители инославных церквей стояли на правом клиросе и внизу его. Епископ английский Сесиль, к сожалению, был в отлучке, на островах Огасавара-дзима. Католики, конечно, отсутствовали.

Из знатных лиц к отпеванию лично пожаловали: посол

великобританский (старшина дипломатического корпуса), посол итальянский, посол американский, представитель посла французского – драгоман посольства с другими чинами, много чинов и офицеров английского посольства. За отсутствием Российского посла Н. А. Малевского-Малевича, находившегося в отпуске в России, и за болезнью поверенного в делах советника посольства А. Н. Броневского, Россию представлял первый секретарь посольства А. И. Щербацкой. Разумеется, пожаловали и все прочие чины посольства, консульства в Йокогаме, военные агенты, прикомандированные офицеры, русская колония в полном составе.

Из знатных японцев лично явились к отпеванию Министр Внутренних Дел Хара, Министр Путей Сообщения Хаяси, Министр Народного Просвещения Хасеба, товарищ Министра Иностранных Дел Исии (ныне посол в Париже), генералы Танака, Хонго, Мурата, Акияма, нагасакский губернатор Андо и др.; Премьер-министр Саиондзи, Министр Иностранных Дел Уцида, его товарищ – барон Исии, Наместник Кореи граф Терауци, барон Готоо и маркиз Сайго. Возложили венки.

Но еще большее количество знатных японцев прислало своих представителей с визитными карточками.

Венок от Российского Посольства был возложен первым из всех. Были венки и от инославных миссионеров.

Пред самым отпеванием через своего придворного прислал венок из живых цветов Почетный Президент Русско-Японского Общества, Император Принц Кан-Ин.

Но верхом почета, какое воздала Япония Владыке Архиепископу Николаю, было то, что Сам Император Японии, ныне уже почивший, Меидзи-Тенисо прислал на гроб Владыки великолепный и громадный венок из живых цветов. И прислал не секретно! В условленный час, через полчаса по начале отпевания, прибыл придворный чиновник с венком. На уготовленном месте, на ковре его встретили А. И. Щербацкой, представитель России, и я, представитель Православной Японской Общины. Приняв венок и ответив на слова передачи благодарностью, мы возложили венок к возглавию Святителя. Сам Император Японии увенчал победными цветами главу Святителя Божия! Внутри венка два иероглифа: Он-Си, т. е. Высочайший дар. И все японцы сии два иероглифа видели, читали и благоговейно пред венком склоняли свои головы!

Начав при смертных опасностях, закончил свою деятельность в Японии Владыка Николай при одобрении с высоты Трона.

Отпевание совершалось по-японски. Но некоторые ектении

произносились и аллилуйями и молитвы читались мною, о. архим. Павлом и прот. П. И. Булгаковым по-славянски.

В 2 часа чин отпевания окончился. Последнее прощание священнослужителей, инославных представителей, некоторых из знатных лиц. И гробовая крышка навеки сокрыла от нас нашего дорогого Святителя.

При начавшемся трезвоне обнесли гроб вокруг собора, установили его на колесницу и, выстроив процессию по выработанному церемониалу¹, отправились до кладбища Янака. Рвет неистово хоругви наши ветер. Пришлось их нести в опущенном положении. Идут воспитанницы, воспитанники. Все в однообразных костюмах. У всех в руках пальмовые ветви – символ веры в победу дела Владыки в Японии. Многочисленные цветы. Сотни венков. Св. иконы, кресты. Иереи, диаконы в священных облачениях. Многие катехизаторы в стихарях. В полном облачении, с посохом в руках – епископ. Ордена Владыки. Все принадлежности архиерейского сана, носившиеся Владыкою. В заключение колесница с дорогим гробом, представитель России в шитом золотом придворном мундире. И лента, бесконечная лента христиан!

Нужно ли говорить, какое впечатление вся эта процессия производила на зрителей! А они во все время пути стояли шпалерами на улицах. И считать их нужно не тысячами и десятками тысяч, но непременно сотнями тысяч! Были сцены, трогательные до слез. Вот идем мимо Женского Учительского Института. Тысяча девиц выстроена вдоль дороги. Проходит процессия – благоговейное внимание. Венок Императора – глубокий поклон. Колесница с гробом – до пояса поклон. И это не одна только школа! Все школы, расположенные при пути следования процессии, и мужские, и женские, выстраивались длинной шеренгой и провожали процессию не только любопытством, но и глубоким почтительным поклоном.

Венок Императора Японии несли преподаватели семинарии, а роскошные ленты его придерживали во все время следования процессии младшие чины нашего посольства в парадных мундирах.

В 3 с половиной часа по полудни процессия прибыла на кладбище. Гроб поставили над могилой. Совершили последнюю литию и при пении «Вечная память» опустили гроб в могилу. Закрыли ящик кипарисовой крышкой, привинтили винтами и опять засыпали углем. Затем начали опускать на блоках же громадные плиты гранита – крышу склепа. В это время религиозная часть процессии ушла в соседнюю гостиницу, где и разоблачились все участники процессии. К вечеру могила была сделана

уже совершенно, и на бывшем пустом месте насажены камелии, кипарисы, пальмы, клены и др. растения – дар отдельных лиц и организаций.

Между литургией и отпеванием христианам роздана 1000 японских обедов, так называемых бенто. За каждое бенто заплачено по 20 сен. Эти 200 иен уплачены из жертвы А. П. Синельниковой.

А для язычников на ту же жертву было заказано 2000 прекрасных хлебов, в особых коробках, с памятливыми надписями. Каждый хлеб с коробкой обошелся в 10 сен. Все язычники, посетители собора, в первые две недели после погребения Владыки получали себе на память по сему хлебу. А как были благодарны и растроганы, можно судить по письмам, иногда приходившим из далекой провинции! И хотя бы по одной фотографии. Ее происхождение такое. Язычник, получивший хлеб, так был растроган, что долго не решался съесть его. В конце надумал: снял с хлеба фотографию. Себе оставил одну, мне с благодарностью прислал другую. И только тогда решился съесть подаренный хлеб!

Да, много здесь можно посеять добра! И не знаешь, когда и каким путем сеется оно! Но несомненно одно, что Владыка Архиепископ Николай в своей немощи из гроба проповедовал много сильнее, чем когда-либо при своей жизни. И вся процессия среди сотен тысяч язычников была самым блестящим проповедническим собранием, какое когда-либо приходилось ему устроить.

К 6 часам вечера я возвратился в Миссию. Одиночество было бы сегодня ужасным. Но Бог послал нам из Кореи о. Архимандрита Павла, которого любил Владыка и который почитал Владыку. С родной душой я чувствовал себя куда легче.

А на улице стонал ветер. Начался дождь, и крупные капли его били в стекла.

Так совершилось погребение Высокопреосвященного Николая, Архиепископа Японского.

Примечания

¹ - Церемониал погребальной процессии Высокопреосв. Архиепископа Николая: 1. Фонарь. Катех. Абе. 2. Хоругви. Катех. Ино и Иидзука. 3. Хор воспитанниц и воспитанников, с пальмовыми ветвями в руках. 4. Орден св. Анны 1-й ст.: свящ. Косияма. 5. Орден св. Владимира 2-й ст.: свящ. Есида. 6. Орден св. Александра Невского: свящ. Накадзима. 7. Орден св. Александра Невского с бриллиантами: свящ. Касаи. 8. Орден св. Владимира 1-й ст.: свящ. Уцида. 9. Хор воспитанниц и воспитанников, с пальмовыми ветвями в руках (вторая половина). 10. Запрестольный Крест: диак. Саоаки. 11. Запрестольная икона: диак. Исида. 12. Напрестольное Евангелие: священники Морита и Такаи. 13. Напрестольный Крест: прот. П. И. Булгаков. 14. Хоругви: катех. Моги и Оокава. 15. Венки, несомые представителями христиан и катехизаторами. 16. Четыре катехизатора в стихарях, старейшие. 17. Иереи, не названные выше и ниже, младшие впереди, в облачениях. 18. Епископ Сергей, в полном облачении, с посохом. 19. Протодиакон Д. К. Львовский и посошник Епископа. 20. Посох почившего Владыки: катех. Кагета. 21. Лампадчик, исат. Усуи. 22. Клобук почившего: свящ. Ямагаки. 23. Малый омофор: свящ. Циба. 24. Крест почившего: свящ. Метоки. 25. Панагия почившего: прот. Сим. Мии. 26. Митра почившего: свящ. Фукуи. 27. Икона Божией Матери Смоленская: свящ. Судзуки. 28. Напрестольный Крест большой: Архимандрит о. Павел. 29. Венок Японского Императора. 30. Диаконы Такахаси и Кано с кадилами. 31. Иподиаконы Узава и Сайтоо с ршщдами. 32. Колесница с гробом почившего Святителя, везомая 4 лошадьми. 33. По сторонам гроба дежурство из воспитанников семинарии, японцев и русских. 34. Иподиаконы Исида и Совада с дикирием и трикирием. 35. Представитель России, секретарь посольства А. И. Щербацкой. 36. Члены посольства, консульства, члены Русской колонии, представители инославных Церквей. 37. Представители церковных общин. 38. Христиане, христианки и все прочие, провожавшие Владыку до могилы.

Содержание

митрополит Сергей (Тихомиров) Памяти Высокопреосвященного Николая, Архиепископа Японского митрополит Сергей (Тихомиров)	1
I	2
II	12
III	18
IV	39
V	56
VI	63
Примечания	67